

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Саратовский государственный университет имени Н.Г.Чернышевского»

Балашовский институт (филиал)

Н.А. Проскурина

**Творчество Д.Л. Мордовцева в контексте
литературного краеведения**

Учебно-методическое пособие
для студентов филологического факультета

Балашов 2014

Учебно-методическое пособие доцента кафедры литературы Балашовского института Саратовского университета кандидата филологических наук Проскуриной Наталии Александровны, созданное на основе курса лекций, предназначено для студентов филологического факультета.

В учебном пособии рассматриваются романы Д. Л. Мордовцева «Новые люди», «Знаменья времени», «Из прошлого», «Профессор Ратмиров», в которых получили отражение события саратовского периода жизни писателя и его взаимоотношения с Н. Г. Чернышевским и Н. И. Костомаровым.

Рекомендуется к опубликованию в электронной библиотеке кафедрой литературы Балашовского института (филиала) Саратовского государственного университета имени Н.Г.Чернышевского.

Работа представлена в авторской редакции

© Проскурина Н. А.2014

Оглавление

Введение.....	4
1. Роман Д.Л. Мордовцева «Новые русские люди».....	7
2. Роман Д.Л. Мордовцева «Профессор Ратмиров».....	24
Заключение.....	42
Примечания.....	43
Вопросы и задания для самостоятельной работы.....	47
Словарь опорных терминов.....	49

Введение

В учебном пособии рассматриваются романы Д. Л. Мордовцева «Новые люди», «Знамена времени», «Из прошлого», «Профессор Ратмиров», в которых получили отражение события саратовского периода жизни писателя и его взаимоотношения с Н. Г. Чернышевским и Н. И. Костомаровым.

Изучение студентами истории русской литературы середины XIX века предполагает знание творчества писателей, изобразивших «новых людей» как современный тип героев, активно обсуждавших условия общественной жизни России в пореформенную эпоху. Это, прежде всего, произведения Н. Г. Чернышевского, Н. Г. Помяловского, В. А. Слепцова и др. Существенным дополнением в освоении соответствующего художественного материала могут стать сочинения Д. Л. Мордовцева, нашего земляка, историка и писателя, органично вписавшегося в проблематику литературы рассматриваемого периода.

Биография и литературное наследие публициста, историка, одного из самых плодовитых беллетристов второй половины XIX века Даниила Лукича Мордовцева (1830—1905) все чаще становятся объектом специального изучения. Ему посвящаются исследования, связанные в основном с анализом его исторических романов, статьи, касающиеся различных сторон творчества и взаимоотношении с современниками. В этих трудах постепенно преодолевается взгляд на Д. Л. Мордовцева как на типично либерального или даже консервативного писателя, будто бы противопоставлявшего свои представления о русском обществе передовым воззрениям своего времени. Однако до сих пор мы не располагаем сколько-нибудь полной монографией о жизни и творчестве этого крупного литературного деятеля, некогда пользовавшегося широкой известностью в читательской среде и возможностью воздействовать на современный ему литературный процесс в демократическом направлении. Досюветская библиография, посвященная Д. Л. Мордовцеву, представлена биографическими работами, характеризующими лишь отдельные периоды его жизни. Сравнительно небольшая книга о нем 1978 года, созданная в жанре критико-биографического очерка, продолжает и по сию пору оставаться единственной работой обобщающего характера (1)/

Современный исследователь Д. Л. Мордовцева вынужден действовать на весьма ограниченной источниковедческой площадке. Сочинения писателя в достаточно полном объеме издавались лишь в досюветское время. После длительного перерыва они стали появляться в печати только с 1950-х годов и то исключительно в качестве избранных собраний. Еще не выявлена его переписка, разбросаны по многочисленным периодическим изданиям мемуары о нем, остаются пока неизвестными многие относящиеся к нему прямо или косвенно архивные документы.

Изучению Д. Л. Мордовцева должно предшествовать установление его

биографической и творческой периодизации.

В его жизни с достаточной отчетливостью выделяются четыре основных периода. Первый охватывает начальные двадцать четыре года жизни (1830-1854): воспитание в доме деда, сотника Запорожской Сечи, годы учения в окружном Усть-Медведицком училище, затем в Саратовской гимназии, Казанском и Петербургском университетах, женитьба. Второй период условно можно назвать полностью саратовским, продлившимся девятнадцать лет (1855--1873). В эти годы: служба в губернском статистическом комитете, затем правителем канцелярии саратовского губернатора, редактирование неофициальной части газеты "Саратовские губернские ведомости", совместные с Н. И. Костомаровым издания местных фольклорных материалов и этнографических очерков, опубликование рассказов и повестей об украинской деревне, работа над историческими монографиями; издание романов "Новые русские люди", "Знамена времени", исторических описаний "Самозванцы и понизовая вольница" и монографии "Политические движения русского народа". Третий период связан в основном с жизнью в столице (1873—1885): сотрудничество в демократических журналах "Дело", "Отечественные списки" и большое число исторических романов и монографий. Последний четвертый период прошел преимущественно в Ростове-на-Дону (1885—1905): романы "Из прошлого", "Профессор Ратмиров" и многочисленные романы на темы русской истории.

В предлагаемом студентам спецкурсе и учебном пособии по спецкурсу ставится задача характеристики второго, саратовского периода творчества писателя с привлечением беллетристических произведений последнего четвертого периода, отразивших так или иначе саратовские впечатления писателя, его творческие связи с выдающимися представителями саратовской творческой интеллигенции - Н. Г. Чернышевским и Н. И. Костомаровым.

Особый разговор об использовании в биографических целях сочинений писателя, которые соединяют в себе вымысел и реальный факт. Эти пояснения носят известный методологический характер, и студентам необходимо уяснить себе основные принципы анализа подобных сочинений в указанном аспекте.

В рассуждениях о соотношениях факта и вымысла, документа и вымысла, разумеется, огромную роль играет индивидуальность художественного дарования автора. Иные писатели весьма биографичны или даже намеренно биографичны. К таким писателям относится Д. Л. Мордовцев. Он не только не скрывал непосредственных связей реалий со своими романскими изображениями, но напротив, сознательно подчеркивал эти связи, наводя читателя на постоянные сопоставления и сравнения. Таков он во всех своих "общественных" романах, то есть произведениях, отражающих общественную жизнь 1850—1860-х годов: "Новые люди" (1868), "Знамена времени" (1869), "Из прошлого" (1887), "Профессор Ратмиров" (1889). Он почти без изменений вводит в романы имена реальных

деятели изображаемой эпохи — Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова, К. Д. Кавелина и многих других, — но чаще всего не в качестве действующих лиц, а как идейные символы, в соотношении с которыми вступают герои его произведений. Отсюда публицистичность, острая полемичность романов Д. Л. Мордовцева. Справедливо заявлено; «Художественно-документальные жанры всегда связаны с исследованием и осмыслением острых проблем современности»(7). Для биографии Д. Л. Мордовцева его романы — благодатный материал, позволяющий напрямую использовать сообщаемые им сведения в качестве биографических фактов, деталей, подробностей. Однако и здесь, как и по отношению к другим видам источников, необходимо соблюдение принципа критического анализа. В том, что Д. Л. Мордовцев не всегда объективен в точности передачи им фактов и документов, сомневаться не приходится. Обязателен по возможности всесторонний анализ сообщаемых романистом фактов, сопоставлений с другими источниками, чтобы установить степень достоверности заявлений романиста. Приходится учитывать и характерную особенность его как автора: желание приукрасить, склонность к некоей восторженности в случаях, когда дело касается его личных убеждений, намерение "подыграть" проводимой в романе идее, стремление к внешней беллетризации в том смысле, что автор с легкостью домысливает, дополняет с целью оживления сюжета, — все это заставляет с недоверием воспринимать некоторое авторское истолкование. Допускаемые Д. Л. Мордовцевым искажения возникают почти всегда как результат того, что принято обозначать упомянутым нами понятием "беллетризация", которая, несомненно, подменяет творческое проникновение в подлинные события, постижение смысла, таящегося в биографическом факте. Беллетризация выступает причиной и следствием упрощения писательской задачи.

Итак, произведения Д. Л. Мордовцева анализируются нами только в тех пределах и в тех аспектах, которые диктуются целями и задачами спецкурса.

Мордовцев был автором четырех так называемых «общественных» романов - «Новые люди» (1868, 1886), «Знамения времени» (1869), «Из прошлого» (1870, 1887), «Профессор Ратмиров» (1889). Из них наибольшее внимание исследователей получил роман «Знамя времени»(8). Остальные три романа остаются в ряду малоизученных. Во всех этих произведениях так или иначе получили отражение саратовские годы жизни Д. Л. Мордовцева и в этой связи его взаимоотношения с Николаем Гавриловичем Чернышевским и Николаем Ивановичем Костомаровым, которым и посвящено содержание предлагаемого спецкурса.

Роман Д.Л. Мордовцева «Новые русские люди»

Рассмотрим по хронологической очередности первый из названных романов — «Новые люди».

Хотя и бегло, но об этом романе, почти выпавшем из поля зрения

исследователей, упомянуто в статье, включенной в книгу о саратовских друзьях Чернышевского. При этом основное внимание направлено лишь на одну сторону повествования, а именно на сопоставление романа с романом Чернышевского «Что делать?». Устойчивой оказалась точка зрения, согласно которой автор романа преимущественно развивает идеи "Что делать?" Чернышевского и предложенную здесь разработку типа "новых людей". Анализ романа Мордовцева, между тем, позволяет существенно прокорректировать этот вывод, увидеть здесь более сложное отношение к проблематике романа "Что делать?" и к его автору — Н. Г. Чернышевскому.

Рассмотрим, прежде всего, историю создания произведения Мордовцева.

Первоначальная публикация первого романа состоялась в журнале "Всемирный труд" в 1868 году под названием "Новые русские люди" и с подзаголовком "Материалы для истории современного русского общества"(10). Через 18 лет роман был выпущен автором отдельным изданием с изменением заглавия и подзаголовка - "Новые люди. Повесть из жизни шестидесятых годов" (СПб., 1886). Текст не претерпел существенных изменений и отдельные, в основном чисто стилистические авторские поправки не затронули идейно-художественного содержания. Второе отдельное издание этого текста автор осуществил еще через 10 лет (СПб., 1897). Наконец, роман включен в 29-й том подготовленного самим Мордовцевым 50-томного Собрания сочинений (СПб., 1902) и печатался по тексту первого и второго отдельных изданий с включением авторских "Оговорок", датированных 1886 и 1897 годами. Между прочим, Мордовцев допускает странную ошибку, неверно указывая в первой "Оговорке" дату первой публикации произведения — 1867, а не 1868 год. Возможно, это запомнившаяся Мордовцеву дата написания романа.

Обозначения "исторический очерк", "исторические материалы", возникшие при переизданиях романа, указывали, конечно, на документированность содержания, которая определила его нарративную организацию. Здесь очень часто упоминаются реальные лица и реальные события 1860-х годов. Не случайно каждая глава в журнальной публикации — это точно датированная страничка дневника главного героя романа.

Соотнесение произведения с "Что делать?" вполне объяснимо. Известно, что роман Чернышевского с его подзаголовком "Из рассказов о новых людях" вызвал к жизни более десятка художественных сочинений самого различного уровня художественности, составивших в истории русской литературы второй половины XIX века целое направление, которое характеризуется не только критико-публицистической, но и беллетристической полемикой. За этим направлением закреплено название "антинигилистического". Произведения этого рода обладали четко выраженными тематическими и структурными признаками. Для них характерно внимание к теме женской эмансипации и связанной с ней теме семьи, изображение нигилистов и "новых людей", действующих в определенной общественной среде. В полемику, так или иначе, были

вовлечены крупные писатели — Л. Н. Толстой, Ф. М. Достоевский, Н. С. Лесков, А. Ф. Писемский. Известны произведения и бульварно-авантюрного толка В. П. Ключникова, В. П. Авенариуса, Вс. Крестовского. В "антиингилистическое" движение включился и Мордовцев. Однако он в большинстве случаев далек от памфлета и карикатуры как художественных средств выражения своих отношений к радикальным демократам 1850—60-х годов. Он ближе к первой группе писателей, пытавшихся разобраться в стоявших перед обществом проблемах, которые составили идейное наполнение полемически воспринятого романа Чернышевского, а также близок к авторам, предложившим дальнейшую разработку идей 1860-х годов — И. В. Омулевскому, Д. К. Гирсу, С. М. Степняку-Кравчинскому, Н. А. Арнольди.

В романе Мордовцева Чернышевский представлен явлением прошлых идей, сыгравших в свое время огромную роль в формировании взглядов современников, но теперь не встречающих в общественном движении опоры.

Рассмотрим содержание романа конкретнее, цитируя его по первой, журнальной публикации 1868 года (в скобках даем указание на № и страницы журнала «Всемирное обозрение»).

Имя Чернышевского появляется в романе многократно. Автор полон сочувствия к судьбе писателя, сосланного в Сибирь. Так, Ломжинов, главный герой романа, сокрушается, встретив в саратовской газете объявление О. С. Чернышевской, ищущей "места при детях или смотреть за хозяйством": "Неужели это жена автора романа "Что делать?", диссертации "Об эстетических отношениях искусства к действительности" и бесчисленного множества критических, эстетических, философских и политико-экономических статей, печатавшихся когда-то в "Современнике" (№ 6. С. 27).

Вместе с тем Мордовцев ни на йоту не отступает от взгляда на Чернышевского как на явление исключительно историческое, сыгравшее в свое время огромную роль в формировании сознания целого поколения, но теперь не имеющее опоры в современном общественном движении. С этой точки зрения всякий раз, когда кто-либо из персонажей романа "Новые русские люди" высказывает свою приверженность к идеям автора "Что делать?", они немедленно объявляются отсталыми людьми, которые должны немало потрудиться над усвоением нового, если хотят идти в ногу с эпохой. "Новые люди" Мордовцева — "новые" по сравнению с героями "Что делать?", которые были "новыми" для своего времени и не могут быть примером для современных "новых". Идет переосмысление понятия "новый человек", наполнение его иным содержанием. Такова позиция Мордовцева и отсюда проистекают его суждения о Чернышевском, подчас не лишённые иронических аллюзий.

Главная героиня романа Вера Релина, воспитанная на идеях Чернышевского, весьма скептически оценивает героинь романов Тургенева и Гончарова. Женщины в этих романах, убеждена она, "хуже" мужчин, которые "хоть действуют, борются за идею, за дело; а женщины только любят, да и любить-то не умеют ... Они большие мастерицы страдать и все от

любви и бездействия". Исторически этим женским типам противостоит Вера Павловна в "Что делать?", нашедшая себе дело и потому нравящаяся Вере Релиной больше других, но и Вера Павловна Чернышевского "менее честна в чувстве, чем окружавшие ее мужчины, и кроме того, — прибавляет Вера Релина, — уж слишком много любила нежиться в своей кровати после ванны" (№ 6. С. 14). Этим ироническим замечанием она явно угодила Ломжинову, записавшему в своем дневнике: "Я засмеялся". В глазах Ломжинова она развивается в правильном направлении, если способна критически отнестись к произведению, на которое молодежь некогда молилась. Прочтенные Верой статьи Ломжинова позволяют ей заявить ему: "Вы выше и Инсарова, и Базарова, и Лопухина, и Рахметова" (№ 6. С. 19). Лопухин — конечно. Лопухов из "Что делать?". По нашему мнению, это не измеренное искажение фамилии в авторских целях, а простая забывчивость, невнимательность, вообще часто свойственная Мордовцеву при воспроизведении подлинных фактов, имен и событий. Ведь все имена героев Тургенева и Чернышевского названы верно, кроме одного Лопухова.

К новому пониманию прошедшей эпохи Вера Релина приходит не сразу. Автор романа пытается дать ее характер в развитии. Она еще очень подвержена влияниям и не совсем самостоятельна в суждениях. Под воздействием некоего "человека с железной дороги" (таинственного собеседника по вагону) она говорит: "Я пережила все это время, читая старые журналы, пережила и время Чернышевского, Добролюбова и последователей их... Тогда женщину не выгоняли из университета. Согласитесь, это было хорошее время". Ломжинов комментирует: "Я согласен, что это было славное поэтическое время, но кого оно выработало? Укажите мне на деятелей, вышедших из этой школы. Где они?" И писатели, и ученые, разъясняет Ломжинов, успешно действующие ныне, включая даже Чернышевского, Добролюбова и других известных деятелей, — все вышли из предшествующей эпохи. Громких имен нет, соглашается Вера, но, по словам "господина с железной дороги", много уже таких, которые разбрелись по России "и втихомолку ведут свою скромную работу, подготовляя к развитию народ". Ломжинов счел такое объяснение наивным. "Мне жаль вас, бедненькую", — завершает он этот важный для понимания позиции Самого Мордовцева как автора романа спор. Нельзя сказать, чтобы Мордовцев в обосновании критики школы "Современника" был вполне убедителен. Ведь именно названные им деятели и явились выразителями, идеологами "шестидесятых годов". Говорить в 1868 году об их последователях с известными именами пока рано. Это и пытается сказать Вера Релина. "Да им еще рано проявиться", — говорит она Ломжинову. "Нет, не рано, а давно пора", — категорически заявляет тот, пытаясь простым отрицанием очевидных вещей обосновать свою мысль. К тому же таинственный "господин с железной дороги" не показан и никак в романе не действует. И это показательно для характеристики позиции автора, тем самым значительно облегчившего себе задачу критики Чернышевского и его эпохи. Мордовцев не способен понять и вполне оценить

деятельность автора «Что делать?» как провозвестника новой жизни. В скобках остается неприятие Чернышевского как революционного деятеля, призывающего Русь «к топору». Но Чернышевский никогда и не делал этих призывов. Он сумел сплотить все лучшие силы общества в борьбе с крепостничеством и возглавить освободительное движение в России. Такого рода обобщений Мордовцев в своем романе сделать не в силах, оттого его критика грешит односторонностью, поспешностью, она мелка и недостаточно обоснована. Продолжая разубеждать читателей в их возможных положительных мыслях о "школе Чернышевского", Мордовцев включает в роман материалы воспоминаний о двух событиях, непосредственно связанных с Чернышевским: его речи о покойном Добролюбове, произнесенной 2 марта 1862 года в зале Руадзе дома Кононова (в романе — 13 марта) и так называемой "думской истории". Вот этот диалог Веры Релиной с Ломжиновым, записанный им в своем дневнике:

— 13 марта 62 года в этом доме кто читал публичную лекцию? — спросила она меня.

— Не помню, — сказал я.

— Как это забыть? Кого обвинили в том, что он назвал публику "пошляком" и, стоя на эстраде, читая лекцию, бесцеремонно играл цепочкой от часов?

— Я решительно забыл эти мелочи.

— Костомаров?

Нет, он назвал своих слушателей, которые ему свистали, "будущими расплюевыми", и когда студенты шумели, он скачал, что "наука — не гладиаторство".

— Кто же, Павлов?

— Нет, нет. Кто читал о Добролюбове? Кого сослали в Сибирь?

— Чернышевский?

— Да, наконец-то разгадали..." (№ 7. С. 126).

Кстати отметим, что журнал "Всемирный труд" стал в те годы едва ли не единственным изданием, в котором сосланный в Сибирь писатель назван по имени. Может быть, цензор потому и пропустил в печать запрещенное имя, что в данном контексте оно упомянуто с явным оттенком иронии.

Напоминая современникам (многие из читателей романа могли быть очевидцами события) о речи Чернышевского, Мордовцев делает акцент на две подробности, нелестные для лектора; назвал публику "пошляком" и во время своей лекции "бесцеремонно играл цепочкой от часов". Повторены факты, интерпретированные самыми недружественными по отношению к Чернышевскому голосами. Так, газета "Северная пчела" писала: Чернышевский «вел себя в высшей степени неприлично... Вертел часовой цепочкой — "у меня, дескать, часы есть!"... Вел себя как Ноздрев на губернаторском бале». Выступление Чернышевского характеризуется газетой с точки зрения оценки его журнальной деятельности, отнесенной к "печальным, болезненным явлениям нашего общества". Другие газеты

окрестили выступление руководителя "Современника" "литературным скандалом", "безобразным поступком"(13). Некоторые журналисты слова лектора о том, что Добролюбова не понимали и не ценили, приняли за "вызов, брошенный русскому обществу, сочли за оскорбление"(14).

Но были и другие отклики. Он "не читал, а рассказывал, скромно, тихо, точно разговаривал с приятелем... Иногда он трогал свою цепочку от часов", вспоминали современники(15). Отмечали, что вел он себя как неопытный лектор и допускал неловкости. Но никто, даже недоброжелатели, не смогли упрекнуть его в том, что он назвал публику "пошляком"(16). Итак, с одной стороны (дружественной): "иногда он трогал свою цепочку от часов", с другой (недружественной) — "вертел часовой цепочкой". У Мордовцева - "бесцеремонно играл цепочкой от часов". Конечно, сравнения Чернышевского с Ноздревым Мордовцев не допустил бы никогда, но общий тон передачи события у него все же ближе к недоброжелательным отзывам.

Вечер 2 марта 1862 года имел последствием так называемую "думскую историю", случившуюся после высылки профессора П. В. Павлова в Ветлугу за прочтенную 2 марта в зале Руадзе лекцию о тысячелетии России, Читатель романа Мордовцева узнает об этом также из разговора Веры Релиной с отцом и Ломжиновым:

— ...А зачем прекратили публичные лекции тогда, в 62 году?

— Я не знаю.

На это я сказал, что профессора сами сговорились не читать, и об этом их просили студенты.

— Зачем же?

Да, кажется, все вышло из-за Павлова, которого сослали, кажется, в Ветлугу.

— Ах, помню, помню! Один Костомаров не хотел прекращать своих чтений, и за это его освистали. По-моему, он был неправ.

- Со своей точки зрения он был прав, — возразил отец.

— Нет, папа, не спорь со мной... Разве ты не знаешь, что перед самой лекцией Чернышевский приезжал к нему просить, умолял его даже не читать этой роковой лекции, которая погубила столько студентов.

— Откуда это вы узнали такие подробности, каких не знаю и я, - спросил я шутя. — Уж не от того ли господина, с которым познакомились на железной дороге?

— А хоть бы и от него...

— Что ж он вам еще говорил?

— Когда Костомаров не захотел уступить Чернышевскому, Чернышевский ездил к министру просить, чтоб он запретил эту лекцию, говоря, что студенты будут протестовать и пострадают.

— И что ж министр?

— Не знаю... Только Чернышевский говорил потом Костомарову, что студенты накупили свистков, чтоб ему свистать, а что полиция припасла веревки, чтоб вязать студентов... Утин предупреждал его..." (№ 7., С. 128—129).

О данных событиях сообщается в романе с большой точностью, и эти заявления Мордовцева должны быть приняты во внимание биографами и историками. Между тем, в научной литературе эти свидетельства не учитываются. Разумеется, об участии Чернышевского в "думской истории" и его беседах с Н. И. Костомаровым рассказывал

Мордовцеву сам Костомаров, и в романе сохранена именно костомаровская версия событий. Однако Чернышевский, читая воспоминания Костомарова, опубликованные в 1885 году, сделал свои уточнения. Например, цитируя фразу "Чернышевский умолял меня не читать", Чернышевский написал: "Тон разговора был вовсе не такой". 3 беседе с Костомаровым Чернышевский призвал его не провоцировать власти на репрессивные меры против студентов, но тот стоял на своем. Тогда Чернышевский действительно поехал к министру народного просвещения А. В. Головкину. Оказалось, что министр уже сам отдал распоряжение о прекращении чтений(17). 21 марта это распоряжение появилось в печати, и Костомаров подчинился. Во всем остальном Мордовцев достаточно точен. К тому же имеет дополнительную ценность его сообщение об Утине (студенте Е. И. Утине), который, будучи активным участником всех студенческих событий, держал Чернышевского в курсе намерений студентов.

Мы видим, что передача подробностей о Чернышевском совершается в романе в обеих приведенных сценах явно не в пользу Чернышевского. По сюжету Ломжинов старается как бы развенчать образ автора "Что делать?" перед Верой Релипой, которая со временем начинает больше верить суждениям Ломжинова.

Постепенный отход от идей Чернышевского демонстрируют и другие персонажи романа Мордовцева "Новые русские люди". Например, Лидия Елеонская, подруга Веры Релиной, с которой вместе посещает лекции по физиологии. Над ее письменным столом висят портреты Белинского, Чернышевского, Добролюбова, она питалась их теориями "почти с детства". Из "афоризмов Писарева" она усвоила, что "пониманье красот Пушкина и Лермонтова не стоит уменья варить кашу", о чем и заявила на выпускном экзамене в гимназии. Но "это была натура порывистая, неуживчивая и в то же время глубоко скептическая", и она "скоро усомнилась в непогрешимости их выводов и перекинулась к изучению теорий диаметрально противоположных" (№ 8. С. 7). Как именно происходит в ней пересмотр прежних верований, автор, к сожалению, не сообщает. Сведение теорий "Современника" Чернышевского и "Русского слова" Писарева к отрицанию красот Пушкина и Лермонтова смахивает на дешевый памфлет и карикатуру и не может служить сколько-нибудь серьезным доводом. По сюжету, однако, только новый строй мыслей (каких именно, так и остается неясным), преодолевающий умственные пристрастия "детства", помогает Елеонской повзрослеть и более серьезно поразмышлять о своем будущем (каком именно, также неизвестно).

Оставляет свои прежние увлечения "Современником" Чернышевского и Добролюбова другой герой романа — молодой помещик Тутнев, прежде

грубиян и отрицатель, а в сущности "пустой и жалкий человек" (№ К С. 20, 29), а теперь под влиянием Лидии Елеонской воскресший к новой жизни, которая ему открывается работой в земстве (какая конкретно эта работа, автор не сообщает).

Герои романа Мордовцева поют гимны груди и просвещению, но эти призывы помещены в иной, чем у Чернышевского, идейный контекст.

В литературе о писателе принято считать, что "герои Мордовцева имеют много общего с героями Чернышевского", что "вслед за Лопуховым и Кирсановым они славят труд, в котором видят единственное спасение России"(18), Споры нет, протесты против пошлости, рутины, лени, подлости, гимн честности и труду роднят всех этих персонажей с героями романа Чернышевского и не только его одного. Однако основной авторской задачей было показать не преемственность его "новых русских людей" по отношению к "новым людям" из романа "Что делать?". "Нам нужны новые люди, — говорит студент Григорьев, — старые уже надоели" (№ 8., С. 81). В контексте переполняющих роман иронических упоминаний о "Что делать?" этот призыв звучит вовсе не преемственно. По логике всего повествования, герои Чернышевского - "старые люди", которые "уже надоели".

Тот же критический тон по отношению к роману Чернышевского и деятельности знаменитого публициста в целом выдержан в романе "Знамения времени".

Впервые роман появился на страницах того же журнала, где опубликованы "Новые русские люди"(19) . Он был включен в Собрание сочинения писателя(20) и однажды был переиздан в советские годы"(21) . Сравнительно с первым произведением роман имел заметный читательский успех. Так, В. Г. Короленко, в ту пору окончивший гимназию, вспоминал, что из многочисленных произведений, так или иначе затрагивавших общественную жизнь 1860-х годов, выделялись два романа, горячо обсуждавшихся молодежью, — "Знамения времени" Д. Л. Мордовцева и "Шаг за шагом" И. В. Федорова (Омулевского)(22).

Успеху нового сочинения содействовала более старательная художественная разработка характеров, попытка психологического обоснования поступков персонажей, стремление покачать их в действии, большая живость изложения. Однако и на этот раз вряд ли можно говорить о значительной художественной удаче автора. Собственно, он и здесь не стремился к тщательной художественной отделке, его больше интересовали публицистические, пропагандистские цели и, поскольку роман был насыщен бесконечными обсуждениями злободневных общественных проблем, он читался с интересом; молодежь с радостью угадывала политические намеки и указания, но особенно привлекало свободное обхождение с авторитетными именами писателей и критиков. Свою творческую манеру Мордовцев объяснил в письмах к Н. А. Некрасову, датированных 1868 годом, то есть временем, когда начиналась публикация романа "Новые русские люди" и всюду шла работа над романом "Знамения времени": писать о живых деятелях как действующих лицах художественных сочинений...

"неслыханный пример. Что ж! Мало ли что неслыханно прежде, а теперь делается; все когда-нибудь было неслыханное — надо же кому-нибудь начать и с неслыханного"(23).

Действие в новом романе Мордовцева протекает в Петербурге, на пароходе и в большом волжском селе, где главная героиня Варвара Барматинава трудится учительницей в земской школе. К ней приезжает писатель-публицист Григорий Стожаров с Павлом Сепоровым, студентом, едушим на каникулы к родителям. Молоденькая подруга Вари Марина Канадеева, ее брат Дмитрий, сын купца Василий Гриднев, сын помещика Аркадий Караманов — таков круг молодых людей, обсуждающих современные проблемы русской общественной жизни и высказывающих свое отношение к недавним идеям, волновавшим общество. В сферу их оценок вовлечен и роман Чернышевского "Что делать?". Тон высказываний о знаменитом некогда произведении очень напоминает роман "Новые русские люди". Это, с одной стороны, признание значения "Что делать?" в недавнем прошлом, но в еще большей степени утверждается неприменимость его идей к современной жизни, и в этой связи нередко возникают иронические характеристики или даже прямое осуждение деятельности "новых людей" Чернышевского.

Бот беседуют на пароходе Стожаров с прагматиком Гридневым, одетым в красную куртку и читающим Спенсера. "Отчего же Спенсер не нравится вашему батюшке", - спрашивает Гриднева Стожаров. "А Чернышевский нравится вашей маменьке?" — парирует тот, и Стожаров охотно подхватывает иронию. "Нет, моя мать старого закала", — говорит он. От иронии оба переходят к серьезным характеристикам, раскрывающим позицию каждого из собеседников. "То, что видела во сне героиня в романе Чернышевского, так и останется сном", — убежденно заявляет сын купца, уверенный в том, что ныне "знамения времени" не призрачные идеалы, а деньги, капитал, с помощью которого только и можно победить бедность на земле. Публицист Стожаров не отрицает такого отношения к "Что делать?", но не видит в капитале панацеи. "Что роман Чернышевского! — говорит он. — Это для нас уже старье; мы дожили до иных понятий... Может быть, Чернышевский тоже дожил до них теперь; может быть, он ушел еще дальше нас — мы не знаем... Он об этом молчит и, может быть, будет несчастнее даже Боливар, шильонского узника, и не оставит своих записок" (С. 28. цитируем по изданию 1958 года).

В систему критического отношения Мордовцева к разного рода утопиям включен и разговор учительницы Вари Барматиновой с подругой Мариной. Такие книги, говорит Варя, "только рисуют перед вами счастье, заманивают вас, заставляют желать счастья, а не дают его... Я брошу их читать". (С. 72). Героям романа "Знамения времени" и его автору нельзя в данном случае отказать в трезвости размышлений. Неприятие утопических идей "Что делать?" укрепляет позицию Мордовцева. И если бы он последовательно проводил эту мысль, от этого его произведение только выиграло бы. Однако Мордовцев зачастую сбивается на мелкую полемику с

Чернышевским и немедленно проигрывает автору "Что делать?", одушевленному высокими идеями (24). Например, совершенно неожиданно, невпопад, немотивированно, никак не согласуясь с логикой разговора, Марина вдруг сообщает Варя: "А я, Варя, знаешь кого так обожала... Рахметова из "Что делать?"... — "А теперь кого же?" — "Никого... Все противные... только болтают, а никто дела не делает, а женщина страдает..." (С. 121). Назвать Рахметова бездельником и болтуном можно только в случае, если его деятельность, о которой Чернышевский говорит неясно и загадочно, не устраивает нынешнее молодое поколение, олицетворяемое Мариной. В романе немало мест, показывающих, что Рахметов истолковывается Мордовцевым исключительно как революционер, сторонник кровавых политических переворотов и бунтов. В контекст характеристики Рахметова Стожаров (и Мордовцев) включает главное свое несогласие с "учением Чернышевского", извлеченным из "Что делать?": "...Не заговоры я составляю и не революций ищущу я, потому что и то, и другое считаю непростительными ошибками людей" (С. 193). Подобное истолкование "Что делать?" и деятельности Чернышевского в целом означало приписывание Чернышевскому намерений, которых не разделял ни он, ни герои его произведений. Чернышевский вовсе не "революций искал". Представление о нем, как представителе теории, оправдывающей кровавые насилия, лишь упрощают его взгляды, искажают суть его учения (25). Мордовцев постоянно как бы облегчает себе задачу полемики с Чернышевским. Он смотрит на него глазами той радикальной молодежи, которой Чернышевский был нужен только как идеолог революционного переворота.

Стожаров, Караманов (и Мордовцев) в качестве нового шага сравнительно с "учением Чернышевского" выдвигают идею хождения в народ. Стожаров отдает свое имение и свои деньги крестьянам, и сам вошел в их общину таким же членом, как они все, пашет вместе с ними землю. "Ушел в народ" Караманов, порвав с отцом-помещиком. Дмитрий Канадеев, брат Марины, записывает в дневнике: "Мы идем в народ не с прокламациями, как делали наши юные и неопытные предшественники в шестидесятых годах, мы идем не бунты затевать, не волновать народ и не учить его, а учиться у него терпению, молотбе и косьбе. То были дети, а мы уже не дети... Мы просто идем слиться с народом... Точно так же пойдет народ и за нами во имя того, во имя чего мы идем к нему в курные избы" (С. 312). Таковы новые "живые идеалы" героев романа, отрицающих "книжные идеалы" героев "Что делать?". "Знамениями времени" обозначены народнические идеи, во имя которых Мордовцев и опубликовал свое произведение, объявляя Чернышевского отсталым писателем. Во имя этих идей звучит в романе Мордовцева призыв к труду — "работою вы победите мир!". Даже самим названием романа Мордовцев противопоставил своих героев "новым людям" Чернышевского, о которых в "Что делать?" было написано: "Недавно зародился у нас этот тип. Он рожден временем, он знамение времени" (26).

История показала несостоятельность народнических идей, чрезвычайно

популярных в 1870-х годах. В изложении Мордовцева эти идеи также отличались особой убедительностью. Так и не показано, чем же закончилось "опрошение" Стожарова и Караманова. Не случайно В. Г. Короленко, свидетельствуя о популярности романа Мордовцева в молодежной среде ("его зачитывали, комментировали, разгадывали намеки, которые, наверно, оставались загадкой для самого автора"), многозначительно прибавлял: "Положительное было надуманно и туманно. Отрицание — живо и действительно"(27). Таким образом, не "положительной" своей программой, которую автор формулировал в противовес Чернышевскому, а пафосом отрицания — отрицания пошлости и рутинности жизни, способной погубить молодые силы, находило произведение Мордовцева интерес у молодых читателей. А этот пафос отрицания объективно сближал, а не разъединял Мордовцева с Чернышевским, которого он явно торопился списать в историю.

На изображения Мордовцевым "новых людей" откликнулся большой рецензией в "Отечественных записках" М. Е. Салтыков-Щедрин (28). В ней подробному критическому разбору подвергнута повесть "Новые русские люди". Рецензия опубликована в середине 1870 года, когда уже с год как закончилась публикация романа "Знаменья времени", между тем, о романе в рецензии — ни слова. Но, не упоминая о романе, М. Е. Салтыков-Щедрин, несомненно, имел в виду и его, формулируя выводы относительно особенностей художественной разработки Мордовцевым типа "новых людей".

Повесть о "новых русских людях" не нашла в рецензенте поддержки и вовсе не потому, что встал на защиту прежнего "Современника" с Чернышевским и Добролюбовым. Как известно, Салтыков-Щедрин сам скептически воспринимал роман "Что делать?", полагая выведенную здесь модель идеального общественного устройства глубоко несвоевременной, утопичной(29). Он не принял очевидной художественной слабости повести, беспомощности автора и в разработке характеров, и в разработке идей. О главном герое Ломжинове рецензент пишет: "Откуда явился этот человек? Как он жил? Где и каким образом получил право показывать читателю свои болячки? Какие это болячки? — Ничего этого не объясняется потому, что, в сущности, ничего этого и нет. Это просто не помнящий родства бродяга...", "немыслимо даже вообразить себе, чтобы существовало такое поколение, которое ничем бы другим не занималось, кроме раскладывания словесного гранпасьянса». Персонажи Мордовцева — "натуры больные, надломленные и изнуренные, а совсем не те здоровые, бодро трудящиеся и бодро переносящие невзгоды люди, которых он предполагал изобразить". Вывод беспощаден: "Великое множество лиц проходит перед глазами читателя, и все они кратко, но с невозмутимой назойливостью лгут на тему о необходимости труда". Салтыков-Щедрин требует более серьезного отношения к теме, ведь читатель "слыхал об увлечениях не книжных только, а действительных, о безвременно погубленных силах, о принесенных жертвах; он знает, что эти слухи не призрак, а суровая правда; потому он

желает, чтоб ему объяснили, в чем заключаются эти действительные увлечения "нового человека", во имя чего приносятся им жертвы и как приносятся. А его вместо того потчуют... бесконечным-бесконечным переливанием из пустого в порожнее" (30).

Полагаем, что Салтыков-Щедрин имел в виду народнические идеи, развиваемые Мордовцевым. Сам Салтыков-Щедрин чрезвычайно серьезно рассматривал движение народников, руководил журналом "Отечественные записки", который был идейно-организационным центром русской народнической демократии (31). Предлагаемые же Мордовцевым рассуждения носили скорее только лозунговый, декларативный характер, "Новые люди", действующие в народной среде, так и не показаны в его произведениях в деле.

Между тем Мордовцев не принял критики "Отечественных записок" и сделал попытку ответить ей новым романом, который и был написан к концу 1870 года под названием "Жертвы общественного недуга". Однако публиковать его он почему-то не стал, и его первое отдельное издание состоялось только в 1887 году под названием "Из прошлого".

Имени Чернышевского здесь нет, нет и намека на "Отечественные записки". Однако автор, как бы возражая своему рецензенту из этого журнала, продолжал настаивать на своих утверждениях, выраженных в предыдущих романах. Жертвами общественного недуга названы те, кто верил революционным идеям шестидесятых годов, и жестоко поплатились за эту веру. Герои романа Макар Банялук, Сергей Драбинин, Луканька, "прокламаторщики" и "пропагандисты", представлены болтунами и бездельниками. Влияние их глетворно, оно губительно сказывается и на судьбах близких им людей — Юлии Осоргиной, Нади Хазаровой, Ксении. Все они либо погибают, либо сходят с ума. Мы предполагаем, что понятие "жертва", употребленное Салтыковым-Щедринным, как бы полемически переосмыслено Мордовцевым: речь должна идти не о жертвах, которые приносятся во имя новых идей, а о жертвах того учения, которого придерживался в прежние годы "Современник" и теперь придерживаются "Отечественные записки". Роман не имел художественной ценности. Он, как и предыдущие произведения Мордовцева, крайне тенденциозен, и хотя прямо о Чернышевском здесь не говорится, мы вправе рассматривать его в контексте выступлений писателя против идейного наследия автора "Что делать?"

Зато в последнем из своих «общественных» романов «Профессор Ратмиров», который публиковался в 1889 году, но не был закончен (32), Чернышевский, судя по замыслу, должен был занять заметное место. Роман предельно биографичен и его главный сюжетный узел связан с именем профессора Ратмирова, прототипом которого послужил Николай Иванович Костомаров в его саратовские годы жизни в середине 1850-х годов. Роман исполнен ценными в историко-краеведческом отношении зарисовками Саратова (в романе — Желтогорска), его окрестностей и круга общения Чернышевского и Костомарова.

О Чернышевском здесь сообщено несколько подробностей в связи с его двумя учительскими голами в Саратовской гимназии. Рассказ о Чернышевском остался, к сожалению, не развернутым. Вероятнее всего, остановка самим автором публикации романа была связана со смертью Чернышевского в Саратове в 1889 году.

Роман был воспринят современниками как документальное повествование. Автор сам указал на достоверность сообщенных здесь фактов. В особом обращении к читателям Мордовцев, отказываясь от печатания продолжения своего произведения по причинам, о которых умолчал, назвал свой роман "биографией в беллетристической форме"(33). Фамилии реальных лиц в романе изменены весьма незначительно (чаще всего по принципу антитезы), а поскольку имена в большинстве случаев оставлены подлинными, то все персонажи легко угадывались. Александр Николаевич Ратмиров — Николай Иванович Костомаров, его мать Наталья Семеновна — Татьяна Петровна Костомарова, Опанас Тарасович Кравченко — Тарас Григорьевич Шевченко, Евгений Александрович Чернов — Евгений Александрович Белов, Виктор Гаврилович Жаренцов — Виктор Гаврилович Варенцов, Александр Дмитриевич Прямунов — Александр Дмитриевич Горбунов, Анна Николаевна Пасхина — Анна Никаноровна Пасхалова, Николай Гаврилович — Николай Гаврилович Чернышевский. Делая Николая Гавриловича, Жаренцова и других желтогорцев - саратовцев одновременными участниками описываемых в романе событий, автор допускает явный анахронизм, поскольку Варенцов приехал в Саратов в 1854 году, уже после отъезда Чернышевского. Мордовцев, разумеется, это знал, но он, как мы полагаем, сознательно пошел на подобное хронологическое допущение, усиливая идейно-художественное значение своего произведения введением Чернышевского в романский сюжет.

Допущенная романистом вольность не снижала, между тем, содержательности связанных с Чернышевским эпизодов. Они во многом совпадают с другими сторонними данными и почти ни в чем не грешат против истины. Важно лишь помнить, что все сообщенное о Чернышевском происходило немного раньше, в 1851—1853 годах, и Мордовцев рассказал о нем читателям не по собственным впечатлениям, а по воспоминаниям других лиц.

О Чернышевском в романе речь заходит четырежды. В первый раз Иван Дмитриевич Эгмонт, родственник Пасхиной, приходит к Ратмирову с предложением ехать на дачу "с целой компанией" и говорит: "Жаль только, что Николай Гаврилович не едет с нами. Да что! Он человек совсем пропащий, влюблен в эту цыгановатенькую барышню, что называется, до зеленого змия"(34).

Конечно, имелась в виду влюбленность Чернышевского в Ольгу Сократовну Васильеву, дочь местного врача, которую современники за смуглый цвет лица и черные волосы иногда называли цыганочкой или смуглянкой. Об отзывчивости же Чернышевского на предложения участвовать в пикниках также свидетельствовали знавшие его в те два года.

"Вообще он часто появлялся в обществе, — суммировал мемуарные данные Ф. В. Духовников, — и везде, несмотря на неуклюжесть, был желанным и дорогим гостем, благодаря своему уму и высокому и обширному образованию, чем надолго оставил по себе воспоминание"(35). Разумеется, бывали случаи, когда он отказывался от поездок, ссылаясь на занятость. Об одном из таких случаев сообщается в романе следующее: однажды брат Прямунова «забегал к Николаю Гавриловичу, чтоб его тоже пригласить кататься, но застал его за чтением Штрауса. "Я не охотник до подобных экскурсий, — отвечал он на предложение Павла Дмитриевича, — я еще не немец да уже и не гимназист, чтобы находить удовольствие в том, что меня посадят в какую-то ореховую скорлупу да еще не велят и шевелиться", "ну, он уж тово, — пояснил Павел Дмитриевич, — зафилософствовался; хочет одной своей головой выгрести навоз из всех человеческих голов"». В ту пору Чернышевский действительно читал труды немецких ученых и философов, в том числе "Жизнь Иисуса" Д. Штрауса и особенно "Сущность христианства" Л. Фейербаха, и горячо рекомендовал это чтение, например, приходившему к нему учителю гимназии Е.А. Белову, свидетельствами которого, вероятно, и воспользовался Мордовцев. В ту пору, когда Мордовцев печатал свой роман, воспоминания Белова не только не были опубликованы, но даже не были написаны, и Мордовцев слышал, конечно, его устные рассказы тогда же после своего приезда в Саратов в 1855 году. И вот что писал Белов в своих воспоминаниях о Чернышевском: «Через день он был у меня и пригласил к себе вечером, говоря, что, может быть, к нему кой-кто зайдет. Вечером я был у него: но никого не было. Мы просидели в маленькой его комнате наверху. Я взглянул на заглавие одной книги и сказал ему: "Видно, что в Саратове за святцами сидят". Это был Людвиг Фейербах. "Вы знакомы с ним?" — спросил меня Н. Г. "Знаю только, что это крайний гегелианец из левых и вообще его направление но отзываю; но сочинения вижу в первый раз". — "С ним, — горячо заговорил Н. Г., — необходимо познакомиться каждому современному человеку". - "Надеюсь, — сказал я, - вы поможете мне познакомиться?" — "С великим удовольствием"»(37).

Отсутствие Чернышевского в компании немедленно замечалось, и в романе Мордовцева находим такой эпизод:

« — А что же с вами Николая Гавриловича нет? ~— спросил старик Эгмонт, который тоже вышел в сад.

— А что, вам о славянах разве хотелось бы о нем поговорить? — заметил Прямунов,

— Да так вообще я люблю с ним говорить, - добродушно отвечал старик, — очень, очень умный он человек.

— А славян-то вон свиньями называет.

— Да это он шутит — только дразнит.

— Однако как-то раз он своими шутками над славянами так рассердил Александра Николаевича, что тот серьезно вызвал его на дуэль. А Николай Гаврилович и говорит: "Что ж, я принимаю ваш вызов, только мне жаль вашего секунданта". - "Почему же?" - горячился Александр

Николаевич. - "Да потому, говорит, что вы, по вашей ловкости, вместо меня непременно застрелите своего секунданта". Тот расхохотался, и они помирились»(31).

Возможно, о вызове на дуэль Мордовцеву рассказал сам Н. И. Костомаров, по крайней мере, в мемуарной литературе об этом случае не упоминается. Но споры на славянские темы нашли отражение самое широкое. Идея славянской федерации была главной в системе воззрений участников Кирилло-Мсфодиевского братства, к которому до своего ареста в 1847 году принадлежал Н. И. Костомаров. В своей "Автобиографии" Костомаров подробно рассказал об этом, вспоминая и о Чернышевском, который "был человек чрезвычайно даровитый, обладавший в высшей степени способностью производить обаяние и привлекать к себе простотою, видимым добродушием, скромностью, разнообразными познаниями и чрезвычайным остроумием". Непосредственно о спорах с Чернышевским на славянскую тему Костомаров в данном случае не пишет, но отзвук споров явно слышится в словах о "видимом добродушии" и "чрезвычайном остроумии" Чернышевского. В романе Морловцева есть сцена добродушного "поддразнивания" Николаем Гавриловичем Ратмирова и Эгмонта, всегда излишне горячившихся при обсуждении славянского вопроса. «Этот старичок, — читаем в романе о Д. И. Эгмонте, отставном военном, участвовавшем в походах 1812—1814 годов, — доставлял несказанное удовольствие Николаю Гавриловичу тем, что с его помощью он мог постоянно сердить Ратмирова. Заведет, бывало, Николай Гаврилович со стариком разговор о походах и нарочно свернет на славян — как они живут и какие у них порядки. Старик уже многое успел позабыть, постоянно путал все, мешая славян с молдаванами и турками, и Николай Гаврилович пользовался этим... «Так вы говорите, Дмитрий Иванович, — коварно спрашивал он старика, — что славяне живут скверно, грязно?» — "Скверно-с", — добродушно отвечал старик». (40).

Разумеется, Чернышевский, по оценке Эгмонта, "только шутил", "дразнил", однако в этих шутках сказывались серьезные разногласия между Чернышевским и Костомаровым по вопросу о славянской федерации. Читая "Автобиографию" Н. И. Костомарова, Чернышевский в письме к А.Н. Пыпину сделал ряд признаний, поясняющих его отношение к историку, которого глубоко уважал за его громадную ученость и, как он выразился, "честный образ мыслей"(41). Примером Чернышевский избрал как раз суждения Костомарова о политической проблеме федеративного объединения всех славянских племен. Чернышевский отвергал эту идею как ошибочную. Защита ее "дает результаты, вредные для русских, вредные и для других славян". Осуществление федерации в ту эпоху, в условиях великорусского самодержавия, неминуемо превратило бы славян в угнетенные национальные меньшинства и способствовало бы развитию великодержавного шовинизма. И эти выводы Чернышевского в ту пору были, по нашему убеждению, совершенно справедливыми. Однако у Костомарова, по словам Чернышевского, в мыслях о едином славянском

государстве "не было племенных эгоистических мотивов". Иначе говоря, Костомаров, украинец по рождению, не выговаривал для украинцев (малороссов) особых условий и стоял за безусловное равенство больших и малых наций в будущей федерации. "Это составляло разницу между его идеями и идеями славянофилов", — писал Чернышевский (42), и споры по поводу отрицаемой Чернышевским идеи не приводили к разрыву(43). Горячность и вспыльчивость Костомарова, как показал Мордовцев, легко регулировались Чернышевским, продолжавшим дружить с историком, несмотря на различия в убеждениях.

Сам Мордовцев, по его мемуарным и другим высказываниям, разделял взгляды Костомарова не только по славянскому вопросу. Он, сколько можно судить по его собственным признаниям, встал на сторону А. И. Герцена в пору расхождений редакции "Современника" с "Колоколом" в 1859—1860-м годах. Он в то время полностью разделял критикуемую Чернышевским и Добролюбовым "обличительную" позицию "Колокола". «Пятидесятые годы..., точнее конец пятидесятых годов, — вспоминал Мордовцев, — это были времена всяческих "обличений", Герцен громко звонил в свой гулкий "Колокол" в Лондоне... Батько Тарас и кнутом и кнутовищем карал всякую "силу неправды", которая весь мир пожрала, и т. п. Недаром говорится: "Куда иголка, туда и нитка". Вот я и был тогда такой именно ниткой; куда Герцен да батько Тарас, туда и я... А губернатором тогда был — царство ему небесное! — Алексей Дмитриевич Игнатьев — такой душевный человек, что придешь, бывало, к нему, так он достает из своего стола последний номер "Колокола" да и спрашивает, будто хвалясь: "Не видали еще этого?" — "Где уж, — говорю, — не видали! Еще вчера с Костомаровым да с другими людьми читали да Господа Бога и Герцена о правде молили.

В конце июля 1859 года Чернышевский приехал в Саратов на один месяц — сразу после своей поездки к Герцену в Лондон (5). Костомарова в это время в Саратове не было, а Мордовцев по распоряжению губернатора с 7 августа увольнялся в отпуск на четыре месяца в Москву и Петербург. Следовательно, встретиться они могли только в первые дни августа. Наверняка они говорили о Пыпине, с которым Чернышевский недавно виделся в Париже, и о Герцене, свежее впечатление о встрече с которым, конечно, интересовало редактора "Саратовских губернских ведомостей", старавшегося идти по пути обличений всяческой неправды. Преклонение Мордовцева перед авторитетом издателя "Колокола", скорее всего, сдерживало Чернышевского в передаче своих не всегда лестных для Герцена оценок его деятельности, но какие-то бытовые подробности о Герцене и Огареве, их жизни в Лондоне он, конечно, сообщил.

В связь с этими событиями может быть поставлена цензурная история с "обличительными" публикациями Мордовцева в "Саратовских губернских ведомостях", получившими широкую огласку в высших правительственных сферах (47). Внимание высших чиновников привлекла заметка об офицере квартировавшего в Саратове Бутырского полка, который принародно на улице ударил своего подчиненного унтер-офицера. "Ну да это

небольшая птица — офицер. А я — каюсь! — в той несчастной заметке и над всем полком немножко себе поиздевался", — вспоминал позднее Мордовцев. Полковой командир пожаловался военному министру, тот доложил царю, царь отдал распоряжение министру внутренних дел и министру народного просвещения, надзиравшим за печатью, а те губернатору — наказать редактора газеты, автора и цензора. Редактор и автор были в одном лице, и губернатор Игнатьев немедленно командировал Мордовцева в столицу "выпутываться". В ожидании окончательного решения своего дела Мордовцев поселился в гостинице Баллабина ("Балалаевке"). Это было осенью 1859 года, когда в той же гостинице жил Н. И. Костомаров, готовившийся к профессуре (его вступительная лекция в университете состоялась 22 ноября этого года). «Первый, кого я увидел, явившись к Костомарову, — вспоминал Мордовцев, — был батько Тарас.

— А, слышал, слышал, земляк, о том, как вы в репейник вскочили! - сказал, смеясь и здороваясь со мною, Тарас.

— Эх! Чтоб оно скисло! — махнул я рукой.

— Это пустяки, юноша, — продолжал ласковым голосом автор "Кобзаря", — если сразу в "холодную" не посадили, так вам нечего и думать об этом... Вот нас с Миколою когда-то, как того Семена Паляя, вмиг "на колесницу да на коня" - и засадили в ту самую высокую и острую спицу, что за Невой...

Вдруг двери — скрип! — и на пороге показалась рыжая голова.

- Нет Бога, кроме Бога, и Николай пророк его! — проговорил рыжеголовый.

Это был Чернышевский Николай Гаврилович... Подобными выражениями он постоянно подсмеивался над Костомаровым и над моей женой (она здесь же находилась), подсмеивался за то, что и они над ним подтрунивали.

- Здорово, волк в овечьем тулупе! — отрезал Костомаров. А Чернышевский ко мне:

- Читали, читали, — говорит, - ваше обличение... Назвать героев-бутырцев "морскими орлами", чуть не курами! Да за это обличение сидеть вам в месте злачне, в месте прохладне, идеже праведниц пророк Николай и кобзарь Тарас упокоятся... Так, Тарас Григорьевич?..

- Нет, немного не так, - отвечал батько Тарас, - а вы там- таки посидите!

- Что ж, - сказал я, - и я посижу там! Заслужила коза то, чем ей рога правят».

Вслед за Чернышевским пришли П. И. Мельников-Печерский, И. Ф. Горбунов, Д. К. Кожанчиков. Мордовцеву запомнилось, как Чернышевский "с шутовой улыбкой" заговорил о "новой, неведомой звезде", "светиле", которое "как раз над Балалаевкой", имея в виду, конечно, Костомарова, который тут же это сравнение переадресовал Тарасу Шевченко .

Шутливый тон Чернышевского об "обличительстве" Мордовцева должен быть объяснен не только личным расположением к Даниилу Лукичу и его товарищам. За шуткой скрывалось ироническое отношение к

обличительству как явлению литературно-общественной жизни, которое на страницах "Современника" было в тот год подвергнуто критике в статье Добролюбова "Литературные мелочи прошлого года", в материалах "Свистка" - сатирического приложения к "Современнику", в котором участвовали Добролюбов, Некрасов, Чернышевский, Козьма Прутков. В статье "Г.Чичерин как публицист" (1859) Чернышевский писал, что характерное для "обличительной" литературы "обсуждение важных вопросов, умалчивающее о существенной стороне их, касающееся только мелочей ... никак не может назваться удовлетворительным обсуждением, ничего не разъясняет, ни к чему, кроме пошлостей и нелепостей, не приводит"(50). Конечно, эта характеристика прямо не касалась произведений Мордовцева, но они действительно не выходили за пределы обличений частных, не затрагивая "существенных сторон важных вопросов". Предупреждение Чернышевского о возможных последствиях "обличительства" Мордовцева ("сидеть вам в месте злачне, в месте прохладне") также можно истолковать как ироническое: за такого рода "обличительство" в кутузку не сажают.

Впрочем, полагать, что Мордовцев точен в передаче слов Чернышевского, вряд ли правильно. Ошибки памяти, постоянные спутники любого мемуариста, особенно, если мемуары пишутся много лет спустя, характерны и для Мордовцева. В цитируемых воспоминаниях содержится указание на занятия в Публичной библиотеке в 1859 году "за одним столом с Добролюбовым" и пояснение: "Я писал тогда монографию "Обличительная литература в первых русских журналах и стеснение гласности", которую и напечатал в "Русском слове" под редакцией Хмельницкого, а может быть, уже и Благодетель, а Добролюбов работал над сатирической литературой времен Екатерины II и напечатал свою работу в "Современнике". В сообщении Мордовцева содержится существенная ошибка. Его статья действительно опубликована в "Русском слове" (1860. № 2). Что касается добролюбовского труда, то он был написан им еще в 1856 году и тогда же появился на страницах "Современника" (№ 8, 9). Это было первое выступление Добролюбова в печати.

Также обращает на себя внимание воспроизведение замечаний Чернышевского в мемуарах Мордовцева по поводу темы ареста. Мордовцев и трехдневное отсутствие Т. Г. Шевченко, замеченное гостями Костомарова, объясняет мрачным предположением: "А может быть, он, как Иона, — во чреве Китове": намек на арест (51). Воспоминания, написанные Мордовцевым уже после смерти Чернышевского, явно несут на себе следы ретроспекции, связанной с фактом ареста Чернышевского и высылки его в Сибирь. Вот, мол, шутит человек постоянно на тему ареста, а его самого ждет именно такая судьба.

Несовпадение идейных позиций Чернышевского и Мордовцева в известной мере нашло выражение в саратовском письме А.Н. Пасхаловой-Мордовцевой к И. С. Аксакову от 29 июня 1862 года. Сообщая об "огромном" успехе "в обществе здешних прогрессистов" статьи

Чернышевского "Научились ли?", посвященной анализу студенческих волнений осени 1861 года, она писала: "Мне удалось крошечку поколебать веру единого от малых сих — в их учителя; очень буду рада, если у него хоть одним учеником будет меньше"(52). Может быть, Мордовцев и не выразился бы столь резко, но в целом его отношение к деятельности Чернышевского 1860—1862 годов совпадало с мнением жены.

Итак, в своих «общественных» романах Мордовцев выступил критиком идей, пропагандируемых «Современником» Чернышевского в конце 1850-х — начале 1860-х годов. Но в своей критике он явно не дотягивал до высоты критикуемого. Он не смог быть с ним на равных, чтобы сколько-нибудь убедительно продемонстрировать идеи народничества, противопоставленные им идеям «Современника». Ни как художник, ни как мыслитель он не достиг желаемого. Однако без романов Мордовцева картина идейной жизни шестидесятых годов представлялась бы неполной, лишенной тех своеобразных оттенков и красок, которые вместе составляют знаменательное в истории общественной и художественной жизни России явление, получившее емкое обозначение шестидесятничества.

Роман Д.Л. Мордовцева «Профессор Ратмиров».

Содержание незаконченного романа «Профессор Ратмиров», дополненное воспоминаниями и перепиской Мордовцева — основные источники для характеристики его взаимоотношений с Костомаровым.

Переселение Костомарова - Ратмирова в незнакомый город под надзор полиции, предстоящая жизнь изгоя, постоянные мучения творческого человека, ученого, которому запрещено печататься, составили основную психологическую мотивировку образа Ратмирова. Автор уделяет большое внимание описанию условий вынужденного местожительства героя. А поскольку Саратов был городом, в котором сам Мордовцев провел более двадцати лет, затруднений в сообщении подробностей городской жизни середины XIX века автор романа не испытывал. Своеобразие рассматриваемого произведения состоит в том, что собственно городскому быту внимания уделено немного. Автор более сосредоточен на внутренней жизни персонажа, его переживаниях, характеристике его деятельности, его окружения. И описания города в основном даются сквозь призму личной драмы героя.

По своим литературным, научным, политическим взглядам Мордовцев был очень близок к Костомарову. Характер его публикаций, появившихся после смерти знаменитого историка, с очевидностью свидетельствует о намерении создать биографию ученого и писателя. Эта сторона деятельности Мордовцева совершенно не исследовалась, тогда как она весьма значительна по своим творческим результатам и составляет содержательные страницы его биографии.

"Я знал Костомарова, — писал Мордовцев, — в течение 37 лет, а постоянная и неизменная дружба наша продолжалась ровно 30 лет — до

последнего "прости" на могиле"(53). Желание написать биографию Костомарова Мордовцев попытался реализовать в форме романа "Профессор Ратмиров" как художественного жизнеописания ученого. Однако печатание было им самим остановлено, и замысел остался неосуществленным. Работа над романом потребовала от автора обследования всего наличного биографического материала, в том числе и такого, который годами сосредоточивался в его собственных руках. Речь, прежде всего, идет о многолетней их переписке, несомненно, содержащей ценные сведения по самым различным поводам. Часть этой переписки в отрывках и очень избирательно Мордовцев опубликовал в своих статьях — воспоминаниях, писавшихся и готовившихся к печати очень быстро под влиянием смерти историка (54), а также в статьях, обнародованных позднее и, вероятно, так или иначе включенных в творческий процесс в период работы над романом(55).

Исследователь первых лет знакомства их друг с другом, в основном располагает мемуарными свидетельствами, исходящими от обоих. Слово Мордовцеву: "В первый раз я увидел Костомарова в 1848 году, в Саратове. Это был мужчина среднего роста, лет тридцати, плотно сложенный, но несколько неуклюжий, каким он оставался всю жизнь. Гладко выбритое лицо его было очень подвижно; в нем заметны были нервные подергиванья, так что иногда казалось, что это были не самопроизвольные гримасы. Носил он золотые очки". Встреча случилась в доме саратовского стряпчего Д. Е. Ступина, два сына которого Михаил и Петр были когда-то товарищами Мордовцева по гимназии. "Костомаров также часто посещал это семейство, в котором были взрослые, очень образованные девушки, сестры моих товарищей"(56). О том, что Костомаров был сослан в Саратов, гимназисты знали, но за какую именно вину, только догадывались на основании смутных слухов об обществе Кирилла и Мефодия. Знали о причастности к обществу Т. Г. Шевченко, автора "Кобзаря", сборника стихотворений, известного Мордовцеву. Держал он в руках и сборник стихотворений Костомарова "Ветка" на малорусском языке. Личного знакомства Мордовцева с Костомаровым тогда не произошло. Костомаров, скорее всего, вовсе не обращал внимания на приходящих к Стулшшм гимназистов. Намекая на интерес Костомарова к дочерям Ступина, Мордовцев не сообщил подробностей, о которых, разумеется, хорошо знал. У Д. Е. Ступина было три дочери — Анна, Варвара и Наталья. Из "Автобиографии" Костомарова следует, что Николаи Иванович интересовался Натальей, знакомство с которой началось "еще в 1850 году(57). Мордовцев, нужно думать, более точен. Несколько позднее Н.Д. Ступина едва не стала женой Костомарова, и эта личная история станет предметом романного воплощения в "Профессоре Ратмирове". Далее в воспоминаниях Мордовцева сообщается о сведениях, полученных им еще до личного знакомства с Костомаровым, — вероятно, от Пасхаловой, у которой в доме он учительствовал. Например, говорится о четырех страстных увлечениях историка: интерес к воздухоплаванию, изучение звездного неба, фантазирования по поводу небесной сферы,

спиритизм и записи народных песен.

"В 1855 году я, — писал Мордовцев, — уже лично познакомился с Николаем Ивановичем, и с тех пор искренняя дружба наша не прекращалась вплоть до 7 апреля 1885 года — до дня смерти даровитого историка"(58). Знакомство произошло в Саратове, куда Мордовцев вместе с женой (Пасхаловой) приехал после окончания университета. Указание Мордовцева может быть подкреплено свидетельством Костомарова. В обоих вариантах "Автобиографии" он не преминул отметить факт знакомства с Мордовцевым. "Весной 1855 года приехал в Саратов Мордовцев... Я очень скоро сдружился с ним"(59). "Первое знакомство с ним сделало на меня самое приятное впечатление; я скоро с ним сблизился и навсегда подружился. Близость наша поддержалась тогда и тем, что он, скоро после своего приезда, получил место помощника делопроизводителя в статистическом комитете, а как делопроизводителем был я, то у нас явились общие интересы"(60).

Ценность воспоминаний Мордовцева заключается в достаточно подробном описании последующих четырех лет пребывания Костомарова в Саратове. Она вся протекала па его глазах, и много лет спустя он легко черпал из своей памяти, напитанной близким общением с ученым. В данном месте учебного пособия нет необходимости анализировать эти страницы воспоминаний. К ним имеет смысл обратиться в связи с романом "Профессор Ратмиров", чтобы в этой переключке мемуарного и художественного увидеть игру воображения автора и оценить главное — степень достоверности сообщенного.

Но один из эпизодов саратовского бытия Костомарова, нигде больше не упомянутый, необходимо привести с возможным биографическим комментарием. Мордовцев свидетельствовал: "Костомаров и Пасхалова сочинили былинку саратовского цикла о членах крестьянского комитета... Князь В. А. Щербатов, председатель комитета — Владимир князь, А. П. Ровинский, самый ярый член комитета — Васька Буслаев, Ершов — франт и дамский угодник — Чурила Пленкович, Костомаров — Илья Муромец, Иван Иванович Буковский — Иванушка, крестьянский сын"(61).

"Крестьянский комитет" явился результатом реформистских начинаний императора Александра II, По его указанию подобные губернские комитеты для составления проектов об устройстве и улучшении быта помещичьих крестьян были созданы почти по всем губерниям России. Ни в краеведческой, ни в специальной исследовательской литературе указание Мордовцева, затрагивающее очень важный момент саратовской общественной, гражданской и чиновничьей жизни, не учитывалось. К сожалению Мордовцев не приводит текста былины, и у нас нет возможности для более точных характеристик членов "крестьянского комитета". Тем не менее, само распределение "ролей" характерно и способно дать хотя бы некоторое представление о людях, которым было поручено исполнение важного государственного поручения. Из названных Мордовцевым лиц обратим внимание на А. П. Ровинского, родственника П. А. Ровинского, учившегося с Мордовцевым в гимназии. И. И. Буковский — родственник

жены Н. Г. Чернышевского.

Существенную особенность мемуаров Мордовцева составило включение в текст писем Костомарова 1860—1880-х годов. Нужно признать, Мордовцев к публикации писем отнесся весьма субъективно. Понятно, что всего, что писал ему Костомаров, он не мог сделать достоянием гласности из соображений такта. Однако письма так и остались неопубликованными, и теперь мы вправе досадовать на "скупость" Мордовцева, к тому же иногда он просто пересказывал содержание отрывков, вместо того чтобы привести текст письма.

В письмах 1860-х годов Мордовцев прежде всего обращает внимание читателей на те фрагменты, которые касались характеристики творчества самого Мордовцева. Так, в письме от 9 июля 1861 года Костомаров писал по поводу одного из рассказов Мордовцева: «Ваша "Солдатка" превосходна. Данило Лукич! ради Бога, пишите поболее. Вы теперь едва ли не лучшая надежда наша. Шевченко нет, Марко Вовчок портится сильно. Кулиш в восхищении от Ваших повестей"(62). Сравнения с Шевченко Мордовцев, конечно, не выдерживал. Высказывание о Марко Вовчок весьма характерно для позиции Костомарова 1861 года и последующего времени, когда он с осуждением относился к направлению "Современника", где творчество писательницы оценивалось положительно. Критика в ее произведениях крепостнической действительности, изображение протеста не принимались Костомаровым. Радикализм в любом виде вызывал в нем едва ли не раздражение. И в рассказе "Солдатка" из жизни украинского села, где с большой симпатией изображена судьба крестьянки, не протестующей против несправедливости, на нее обрушившейся, а готовой смириться с судьбой и терпеливо ждать лучших времен. Учиться у народа терпению — таков получивший одобрение Костомарова смысл художественной разработки Мордовцевым темы крепостничества. Той же ориентации придерживался и П. Л. Кулиш. Не случайно именно в 1861 году Костомаров, по словам Мордовцева, "переселился" из "Современника" и "Русского слова" в "Основу", журнал, известный своими националистическими тенденциями. К этому времени относится и перемена Костомарова в его личных отношениях к Чернышевскому. Мордовцеву был, конечно, известен их спор по поводу роли университетов. В конце 1861 года Костомаров опубликовал в центральной петербургской газете несколько статей на эту тему, проводя мысль о том, что пришла пора преобразовать университеты в открытые учебные заведения, близкие по структуре к Академии наук. Тогда, по убеждению Костомарова, студенты перестанут волноваться и организовывать всякого рода корпорации в виде студенческих касс, библиотек и т.д.(64). Чернышевский в "Свистке" (сатирическом приложении к "Современнику") в статье "Опыты открытий и изобретений" вполне резонно писал о наивности такого рода предложений. Не закрывать или преобразовывать университеты, а предоставить студентам возможность учиться в них свободно, не стесняясь полицейскими мерами и запретами разного рода. Этот спор предшествовал рассмотренной во второй главе

книги "думской истории" и наступившему в 1862 году разрыву в отношениях. Мордовцев же неизменно поддерживал Костомарова. Исходящие от Мордовцева характеристики общественной позиции Костомарова находят подтверждение и в других свидетельствах. Так, один из участников "вторников" Костомарова 1861 года вспоминал, что здесь часто заходили разговор "о деспотических приемах наших журналистов, которые никому не позволяют сметь свое суждение иметь" (конечно, намек на "Современник" Некрасова-Чернышевского) (66).

Однако расхождения с Чернышевским в 1861—1862 годах не помешали Костомарову в его хлопотах об освобождении Чернышевского из Сибири. И Чернышевский по возвращении из Сибири (уже после смерти Костомарова) чрезвычайно высоко отзывался о его исторических трудах⁶⁷. Несмотря на идейные споры с ведущими публицистами "Современника", Костомаров не мог отрицать значительного влияния этих писателей на общественную жизнь, не мог не ценить их таланта. Так, ссылаясь на письма Костомарова 1870-х годов, Мордовцев заключал по поводу его высказываний о Добролюбове: "Костомаров всегда вспоминал меткую сатиру Добролюбова о днепровских порогах, из-за названия которых столь жестоко воевали ученые мужи"(68). Мордовцев не разъяснил, о чем шла речь. Имелись в виду публикации в "Свистке" по поводу диспута Н. И. Костомарова с М. П. Погодиным о происхождении русского государства. Диспут проходил 19 марта 1860 года в Петербургском университете и как в научной, так и в общественной среде вызвал шумные отклики. Погодин настаивал на норманском происхождении Руси, полагая доказательством названия двух днепровских порогов, будто бы имеющих скандинавские корни — Варуфорос и Геляндри. В статье, а затем и в сатирическом стихотворении "Два порога" Добролюбов едко высмеял такого рода предположения(69).

Мордовцев был одним из тех, кто дал точную оценку характеру исторических сочинений Костомарова — "историк-живописец". "После Карамзина ему первому, — писал Мордовцев, — придан был этот эпитет"(70)

Мордовцев, как нам представляется, испытал огромное, если не сказать определяющее влияние со стороны Костомарова именно в этом отношении, однако до высокого уровня своего учителя он не поднимался никогда. Не случайно сам Костомаров по поводу "Понизовой вольницы", одного из лучших исторических сочинений Мордовцева, написал ему в декабре 1860 года: "...У Вас большой исторический талант, только будьте пообъективнее"(71). Привнесение в исследование собственных толкований, элементы беллетризации, не всегда согласующиеся с историческим материалом, нередко понижали достоинство ученых трудов Мордовцева. Например, один из критиков резонно заметил по поводу исторического повествования "Похороны", опубликованного в "Наблюдателе" в 1885 году: "...Беспристрастием историк вовсе не грешен; даже напротив, в нем на каждом шагу обнаруживаются прокурорские наклонности", отсюда "одностороннее, пристрастное отношение к историческим фактам", в частности к оценке деятельности Петра I, изображенной одними

отрицательными красками(72). Для Костомарова же свидетельство документа было всегда определяющим научную концепцию. "Что есть истина, то всплывает в потоке времен и нет пучины, которая бы могла поглотить ее!", - убежденно писал он в частном письме к А. Ф. Селиванову в 1884 году(73).

Отмеченное Мордовцевым отличительное качество исторического дарования Костомарова ("историк-живописец") характеризовалось подобным образом и другими современниками. В одной из статей, появившихся сразу после смерти ученого, читаем: "В изображении исторических событий господствующею чертою покойного была художественность", что в ученом мире встречается крайне редко. И автор сравнил Костомарова с французским историком Августом Тьерри(74). В другом случае мастерство Костомарова-историка вызвало сравнение с известным английским историком Т. Маколеем(75). Называли Костомарова и "историком-лириком": "Нервный, впечатлительный, увлекающийся, с необыкновенно живым воображением и широким художественным творчеством"(76). "Поэтическая натура", "крупный ученый и художественный талант, - писал профессор И. А. Линниченко(77).

Собранные и опубликованные Мордовцевым биографические материалы о Костомарове — ценный источник, который был использован в его романе «Профессор Ратмиров».

Публикация романа, как мы уже указывали, началась в начале 1889 года на страницах журнала "Книжки недели". После опубликования 22-х глав печатание прекратилось, а в апрельской книжке журнала появилось заявление Мордовцева следующего содержания: "Я должен извиниться перед редакцией "Недели" за то неловкое положение, в которое невольно поставил ее относительно читателей. Некоторые обстоятельства, которых я не предусмотрел, приступая к своему роману "Профессор Ратмиров", вынуждают меня приостановиться дальнейшим его печатанием и даже лишают меня возможности дать на этот счет какие-нибудь определенные обещания. Утешаюсь несколько лишь тем, что напечатанные в "Книжках недели" главы романа могут представлять некоторый интерес и сами по себе, потому что знакомят читателей с такими чертами из жизни ученого, названного мною "Ратмировым", которые большинству неизвестны. Читатели, вероятно, догадались, кто этот ученый, и заметили, что мой роман есть в сущности биография в беллетристической форме; а биография не теряет вполне своей цены даже в том случае, если она и остается не законченной. Роман так и не был напечатан полностью. Этим обстоятельством объясняется его отсутствие в Собраниях сочинений Мордовцева и нежелание издателей хотя бы однажды перепечатать его. Оборванность повествования повлияла и на недостаточное внимание исследователей к этому тексту. В биографическом очерке о Мордовцеве, написанном современным исследователем, роман просто обойден вниманием, а в статьях, посвященных оценке творчества Мордовцева, лишь иногда удостоивается краткой характеристики.

Называя свое произведение "в сущности, биографией в беллетристической форме", автор сам с исчерпывающей полнотой, ясностью и точностью определил жанр труда, его цели и задачи. Интерес напечатанных глав ему видится в ознакомлении читателей с малоизвестными чертами из жизни ученого. С этой точки зрения работа Мордовцева приобретала значение биографического источника. А поскольку героем "биографии" был знаменитый историк Н. И. Костомаров, ценность сообщаемых романистом-биографом подробностей многократно увеличивалась. Тем не менее, сообщения Мордовцева нуждаются в строгом исследовании, опирающемся на критическую их проверку. Важно установить, в каком соотношении находятся в романе документальное и художественное, насколько избранная автором беллетристическая форма повествования оказывала влияние — как это обычно бывает в такого рода биографических трудах — на фактическую содержательность произведения, какова наконец степень достоверности излагаемых романистом событий.

В научной литературе о Мордовцеве утвердилось мнение, будто прекращение печатания романа вызвано цензурными соображениями, касающимися упоминаний о Чернышевском, который в продолжении рассказа должен был стать главным действующим лицом. Между тем, из опубликованных глав не видно, чтобы дальнейшее развитие сюжета связывалось преимущественно с Чернышевским. Роман озаглавлен измененным именем Костомарова, и вряд ли автор предполагал менять свой замысел. Скорее всего, решение остановиться обусловлено не только известием о смерти Чернышевского, но, прежде всего, ставшим Мордовцеву известным намерением вдовы историка А. Л. Костомаровой опубликовать мемуары самого Николая Ивановича. И действительно, в следующем 1890 году эти материалы увидели свет. Разумеется, Мордовцев знал "Автобиографию" П. И. Костомарова, опубликованную Н. А. Белозерской. Там, в основном затронуты события 1857—1875 годов, но сравнительно с ними, роман, описывающий предшествующие годы, действительно содержал множество не известных читателям фактов. Теперь же готовилось к публикации другое автобиографическое сочинение, которое в значительной мере соприкасалось и корректировало романную версию и, можно сказать, обесценивало новизну ее сообщений. Необходимо учесть и соображения такта, которым наверняка руководствовался Мордовцев, посчитавший не деликатным конкурировать с вдовой безмерно уважаемого им человека.

Критический анализ художественно-биографического повествования Мордовцева становится возможным в результате его сопоставления с воспоминаниями А. Л. Костомаровой, вариантами "Автобиографии" Н. И. Костомарова и некоторыми сохранившимися архивными документами.

А. Л. Костомарова умерла в 1908 году, и ее воспоминания охватывают 1845—1875 годы. Напечатаны они были только после ее смерти в книге, куда был включен полный, сравнительно с изданием 1890 года, текст "Автобиографии" Н. И. Костомарова, записанный А. Л. Костомаровой под диктовку мужа(84). Архивные документы — хранящиеся в Государственном

архиве Саратовской области дело "Переписка с Министерством внутренних дел, Саратовским полицмейстером и другими присутственными местами о высылке профессора Киевского университета Костомарова Н, в г. Саратов за участие в организации Україно-Славянского общества и установлении за ним надзора полиции. 24 июня 1848г. —22 июля 1855г.

Содержание романа-биографии составило описание жизни главного героя Александра Николаевича Ратмирова с момента его ареста в Киеве в 1847 году до первых лет его пребывания в Желтогорске — месте ссылки. Художественная выразительность сюжета достигается описанием драматичности момента: молодой профессор университета арестован буквально накануне своей свадьбы. Дальнейшая психологическая разработка характера ведется на основе многообразных переживаний героя, в конце концов, так и потерявшего невесту. Другой художественный пласт повествования завязан на характеристике литературной и научной деятельности Ратмирова, которая составляет смысл его жизни, одухотворяет и опозитизирует его полные нравственных и физических страданий дни и годы.

Имена реальных лиц в романе все изменены, но до прозрачности напоминают подлинные, ход действия точно хронологизируется, приведены реальные факты, иногда цитируются подлинные документы. Автор, конечно, широко пользовался рассказами самого Костомарова и собственными воспоминаниями. Источники, включенные нами в контекст взаимопроверки, позволяют воочию убедиться в том, насколько Мордовцев точен, а также установить случаи, когда в жертву художественному впечатлению вольно или невольно приносится подлинность факта.

С первых же строк романное действие точно датируется в соответствии с реальной биографией Костомарова: "Через день у них свадьба. Сегодня 28-е марта, а 30-го они венчаются" (С. 1). Имя избранницы — Лена Врубельская (Алина Леонтьевна Крагельская). В романе она его студентка по Киевскому университету. Однако в действительности она здесь никогда не училась, будучи воспитанницей пансиона Де-Мельян. Впрочем, в другом месте романа Мордовцев, вероятно, забыв о прежнем сообщении, написал правильно: "Он давал уроки в том пансионе, в котором она училась, и полюбил эту 16 летнюю очаровательную девочку" (С. 69). Воспоминания самой А. Л. Крагельской точно воссоздают обстоятельства ее знакомства с Костомаровым. Это произошло в 1845 году, когда в их пансион вместо умершего учителя истории Домбровского явился новый учитель - Костомаров, служивший одновременно старшим учителем в 1-й Киевской гимназии(86). Это уточнение места службы Костомарова находит подтверждение в архивном документе: "...Перемещен адъюнктом по кафедре русской истории в Университете Св. Владимира 19 августа 1846 года". Вероятнее всего, Мордовцев не знал всех этих обстоятельств. К тому же небольшая передвижка в датах мало что меняла в сюжете: к моменту, когда Крагельская наречена невестой Костомарова, он уже преподавал в Киевском университете. Для романа, конечно, эффектнее, когда учителем Врубельской

становится профессор университета, лекции которого, как пишет Мордовцев, "всегда так восторженно приветствуются его слушателями" (С.1). Но и в качестве гимназического учителя Костомаров уже пользовался известностью хорошего лектора. По воспоминаниям Крагельской, "с первых лекций он победил своих юных слушательниц силою и живостью своего изложения - читает ярче и занимательнее прежнего учителя(87). Существуют также совершенно забытые и никем из биографов не учтенные воспоминания бывшего ученика Костомарова по харьковскому пансиону, где он преподавал в 1837 году сразу по окончании университета: «Этот умный педагог умел так приохотить своих юных питомцев к серьезным усидчивым занятиям по своему сухому предмету, что каждый из нас старался как можно лучше знать свой урок - и незнаек у него в классе не было... Мы его боготворили» .

Далее Мордовцевым не совсем точно сообщено из биографии героя: окончил университетский курс "кандидатом словесных наук", как тогда выражались (это было в конце тридцатых годов)" (С. 2). Из архивного документа следует: "По окончании наук в Императорском Харьковском университете удостоен звания действительного студента — 1836 Июля 20", и только спустя год после экзамена на степень кандидата он "Советом университета утвержден в той степени, на что получил свидетельство — 1838 ноября 28". Приведем документальные сведения о службе, относящиеся ко времени знакомства с будущей невестой: перемещен учителем исторических наук "в Киевскую первую гимназию — 1845 июля 28". В послужном списке не отмечен факт, сообщенный в печати впервые Мордовцевым: "Поступил юнкером в один драгунский полк. Но там он встретил совсем не то, что искал, и скоро променял драгунскую саблю на перо писателя и ученого" (С. 2-3). Об этом коротком времени военной службы читаем и в "Автобиографии" Костомарова(89).

В романе особо уделено внимание литературным успехам Ратмирова. Сообщен, например, важный биографический факт: "Белинский благосклонно отнесся к его первым произведениям" (С. 3). К каким именно произведениям, не сказано. Сам Костомаров также указывал на благожелательный отзыв великого критика: Белинский "расхвалил" его историческую поэму "Савва Чалый". «Расхвалил» печатно или устно в беседе с кем-то, не уточнено.

Литературные успехи Ратмирова, будто бы подкрепленные отзывами Белинского, а также достижения в науке встретили, по словам автора романа, "зависть и злобу ученой бездарности, которая и преследовала его потом всю жизнь". Как следствие этой зависти стало сожжение его магистерской диссертации "советом университета по распоряжению высшего начальства" (С. 3). Мордовцев уходит от сообщения подробностей, в данном случае внятного в художественной биографии. Источники подтверждают сообщение романиста-биографа. Речь идет о первом магистерском сочинении "Значение Унии в Западной России". Оно, как сообщалось в одной из биографических справок, не было даже допущено к публичной защите "вследствие протеста известного проповедника и богослова Преосвященного Иннокентия", а

печатные экземпляры этой диссертации тут же "по распоряжению министра Уварова, вследствие отзыва о ней академика Устрялова, преданы были сожжению, но основные ее положения приняты теперь в науке"(91). Но зато "вторая его диссертация не была уже сожжена, и он теперь магистр, больше того - он жених прекрасной Лены", — читаем в романе Мордовцева (С. 3). Тема второй работы — "Об историческом значении народной русской поэзии"(92).

Психологический эффект первой главы достигается неожиданным появлением у Ратмирова помощника попечителя Змеевича в вице-мундире, несмотря на поздний час, прервавшего радостно романтическое настроение жениха, уже вступившего в фазу переживания предстоящего венчания. Далее следуют сцены ареста Ратмирова, подлое поведение Змеевича (Юзефовича), нечаянная встреча в III отделении с поэтом Опанасом Тарасовичем Кравченко (Т. Г. Шевченко), переживания матери Ратмирова Натальи Семеновны (Татьяны Петровны Костомаровой), упомянуты члены Кирилло-Мефодиевского общества Булак (Гулак), Лелиш (Кулиш), Чернозерский (Белозерский) — о всех них в связи с Костомаровым русский читатель узнавал впервые до опубликования "Автобиографии" Костомарова издания 1982 года только из романа "Профессор Ратмиров".

Предложенный автором романа главный сюжетный узел — вариант отношений Елены Врубельской к аресту жениха, его пребывание в крепости и в ссылке — в значительных своих подробностях отличается от объяснений, какие находим в мемуарах подлинных участников событий и в архивах. Так, Мордовцев держался убеждения, что мать Елены Стефания Врубельская настояла на разрыве с арестованным, который тщетно ждал от невесты писем в крепости и в Саратове - Желтогорске. В романе присутствует выразительный эпизод: после свидания с Ратмировым в крепости мать с дочерью переезжают через Неву на ялике, и мать выбрасывает в воду подаренное дочери женихом кольцо, говоря: "Глупые надежды — удел дураков" (С. 16). Эту версию Мордовцев почти дословно повторил в своих воспоминаниях со ссылкой на слова "г-жи Костомаровой". Вероятно, так оно и было, но все, что касается писем невесты и роли матери в этом, нуждается в перепроверке источниками. В "Автобиографии" Костомарова 1885 года изложен иной ход событий. По приезде в Саратов Костомаров написал письмо к матери невесты с просьбой привезти дочь. Ответа долго не было, а затем пришли и посланные им на поездку деньги "при бранном и оскорбительном письме". Спустя несколько месяцев пришло письмо от самой Алины, объяснившей, что не писала из-за отсутствия денег на отсылку письма. "Мы переписывались несколько времени". Затем Алина написала царю, "просьба осталась без ответа". Тогда Алина в отчаянии попросила у него денег на поездку в Саратов, у него их в тот момент не оказалось, и "моя невеста вышла замуж за другого в конце 1851 года"(93). В другом варианте "Автобиографии" отзыв Костомарова о всей истории краток: упомянуто лишь о полученной от невесты перед отъездом в Саратов записки с просьбой беречь здоровье и надеяться — "к сожалению, надежды наши не состоялись

— никак не по ее вине" (4). Не забудем, что этот текст записан А. Л. Крагельской со слов историка. В своих же собственных мемуарах она с особенной тщательностью остановилась именно на этих подробностях в отношениях к арестованному и сосланному жениху, которого искренне любила. По ее уверениям, она сделала все, чтобы сохранить союз с ним: постоянно писала ему, устроила через близких знакомых втайне от матери доставку ей ответных посланий, даже отправила царю просьбу разрешить ее жениху приезд в Киев для венчания. Напоминаем, что в романе Мордовцева Ратмиров тщетно ждал от невесты писем и в крепости, и в Желтогорске, и только стороной дошло до него известие о ее замужестве.

Архивные документы в какой-то мере подтверждают свидетельства А. Л. Крагельской. Выехать из Саратова Костомарову в его положении поднадзорного было попросту невозможно, и только спустя полтора года по прибытии в Саратов он предпринял первую попытку добиться отпуска, ссылаясь на нездоровье. Соответствующий рапорт на имя губернатора А. М. Кожевникова датирован 25 января 1850 года. Он просил разрешения на четырехмесячное пребывание в водолечебных заведениях в Кочетке Харьковской губернии или Люстдорфе близ Одессы. С уведомлением "ведет себя хорошо" губернатор отослал прошение в министерство внутренних дел, однако в марте пришел отказ. В конце года Костомаров повторил попытку. На этот раз причина выставлена иная: отправиться в Киев для вступления в брак с дочерью умершего полковника Алиною Крагельскою. Ответ из Петербурга: "...Объявить Костомарову, что он может предложить своей невесте прибыть для бракосочетания с ним в Саратов". Получив этот документ (он был подписан шефом жандармов графом Орловым), губернатор стал ждать ответа министра внутренних дел, которому писал 31 декабря 1850 года. И только 4 мая министр по согласованию с шефом жандармов разрешил Костомарову поездку в Киев, "но с тем, чтобы он находился там не более трех месяцев, и чтобы во все время пребывания в Киеве продолжено было за ним полицейское наблюдение". Поездка состоялась, но о ней, как это ни странно, ни в одних воспоминаниях не говорится ни слова. Писем из Саратова более не было. Мать нашла Алине жениха, им стал М. Д. Кисель. О предстоящем замужестве Алина сообщила бывшему жениху, "ответное письмо было проникнуто глубокой скорбью. Оно жгло мне душу". 11 ноября 1851 года она вышла замуж за М. Д. Киселя, с которым прожила до его смерти в 1870 г.(97).

Как же было на самом деле? О предстоящем замужестве Алины Костомаров узнал из ее письма (свидетельство ее самой), по слухам (утверждение Мордовцева) или в результате его поездки в Киев? Мы склоняемся к последней версии, поскольку факт поездки, о которой почему-то умалчивают все участники событий, зафиксирован документально. В пользу именно такого объяснения приведем сообщение осведомленного Чернышевского, в ту пору находившегося в Саратове и постоянно общавшегося с Костомаровым. "Больше чем за полгода до замужества своей невесты он уже считал себя утратившим ее, это я знаю, потому что это он

говорил мне с самого начала моего знакомства с ним", — писал Чернышевский⁹⁸. Больше чем за полгода — это приблизительно апрель-июль 1851 года. Показание Мордовцева, сделанное явно не в пользу Алины Крагельской, об одном из важнейших фактов биографии Костомарова, должно быть оспорено. Один из современников так передает подробности драматического момента, переживаемого Костомаровым в связи с потерей невесты: "...Это был в полном смысле мученик: от тяжкого горя он хватал себя за свои длинные волосы; ломал пальцы, готов был биться головой о стену; глаза наливались кровью и приходили в какое-то иступление; влюбленный был живым мертвецом, близким к умопомешательству"(99). Мордовцев в романе прошел мимо этой возможности описания психологического состояния героя. Автор как-то уж очень резко оборвал эту нить сюжета, развивавшегося далеко не в пользу Алины Крагельской (Лены Врубельской). Может быть, в продолжении романа автор дал бы возможность судить о невесте Ратмирова иначе, но роман был остановлен, и тень осуждения так и закрепилась в читательском сознании. Между тем, Мордовцев всегда с глубоким уважением относился к Алине, ставшей женой Костомарова в 1870 году, то есть спустя много лет после описанных в романе событий. В своих воспоминаниях Мордовцев писал о ней как "в высшей степени доброй, благородной и редко умной женщине". Он даже привел письмо М.И. Семевского, написанное в связи со смертью Костомарова и адресованное вдове: "...Вашими заботами Вы сберегли нам его еще на десять лет"(100). Современники единодушны именно в этой оценке. Свидетельствовали, что она была хорошим помощником Костомарову в его научной работе, нередко делала ему "веские замечания", которые он учитывал в своих трудах.

Необходимой представляется и корректировка романских заверений, касающихся изображения саратовского периода жизни Ратмирова-Костомарова. Научный анализ сообщенных фактов и событий доказывает необходимость ряда уточнений.

Ссылка в Желтогорск (наиболее распространенным является предположение о происхождении названия города Саратова от двух татарских слов: сары и тау — желтая гора) (102) продолжалась семь лет, романное действие обрывается примерно на 1853 году.

Переселение в незнакомый город под надзор полиции, предстоящая жизнь изгоя, постоянные мучения творческого человека, ученого, которому запрещено печататься, составили основную психологическую мотивировку образа Ратмирова. Автор уделяет большое внимание описанию условий вынужденного местожительства героя. А поскольку Саратов был городом, в котором сам Мордовцев провел более двадцати лет, затруднений в сообщении подробностей городской жизни середины XIX века автор романа не испытывал. Своеобразием рассматриваемого произведения состоит в том, что собственно городскому быту внимания уделено немного. Автор более сосредоточен на внутренней жизни персонажа, его переживаниях, характеристике его деятельности, его окружения. И описания города в

основном даются сквозь призму личной драмы героя.

Имена начальствующих лиц, призванных осуществлять надзор за ссыльным, и прочих чиновников в романе отсутствуют, автор не дает их даже в измененном виде. Сообщаются кратко лишь внешние данные, необходимые для продолжения повествования. Так, полицмейстер — "маленький белокурый человечек с моргающими глазами" (С. 18), губернатор — "черный, смуглолицый мужчина" (С. 19), почтмейстер — "высокий мужчина, черный, как жук, и красный, как пион, и притом с бельмом на одном глазу, свирепый на вид" (С. 29). Автор также не задерживается на описании домов, улиц, площадей, убранства комнат, — все сообщения лаконичны, внимания читателей не задерживающие.

Приведем пример этой своеобразной стилистики, обусловленной единственно передачей душевного состояния героя. В день приезда Ратмиров, впервые после года тюрьмы и запретов передвижения получивший возможность свободно ходить по городу - (губернатор предупредил лишь о том, чтобы не отлучался из города без разрешения полицмейстера), спешит скорее воспользоваться свободой, хотя и неполной. И он пошел по городу и зашел на окраину, "на ту гору, которая виднелась за оврагом и ломаными уступами амфитеатра спускалась к Волге. И он пошел к этой горе. Он миновал церковь, другую церковь, площадь, еще церковь, и еще, перешел по мосту через глубокий овраг с мутным ручейком и мимо жалких хижин стал подниматься в гору" (С. 20—21). Беглость перечислений объектов городского интерьера вполне соответствует настроению Ратмирова, оглушенного возможностью свободно передвигаться. "Он дошел до вершины, и глазам его представилась поразительная картина. На десятки, казалось, на сотню верст раскинулась ровная заволжская степь, словно уходящая в небо. Внизу под ногами — Волга. За Волгою, в береговой зелени леса, словно раскиданы букеты цветов — это заволжские немецкие колонии. Правее, далеко за городом, вдается мысом в Волгу возвышенность с бугром — это один из буфов Стеньки Разина. Ближе, всю котловину между буграми занимает город со множеством церквей и колоколен" (С. 21). Казалось бы, "поразительная картина" должна подаваться автором с такими красочными детальными описаниями, которые заставили бы читателя поверить этой "поразительности". Между тем, описания укрупнены, обобщены в некие пятна, объемно охватываемые взором возбужденного свободой человека. Далее следует описание Волги, которое проходит также в контексте заявлений о "поразительной картине", однако от художественных деталей автор отказывается и в этом случае, пронизывая и ограничивая впечатления Ратмирова о Волге его мыслями об ученых трудах, пока не доступных в его положении ссыльного: "...Перед ним вставала мрачно-поэтическая история этой Волги, ее таинственное, полное трагизма прошлое — Хазарское и болгарское царства с их своеобразною жизнью, когда-то процветавшею на берегах этой многоводной реки... Монголы и татары, Золотая орда... Русские великие князья, плававшие с данью по этой реке в ханскую ставку и нередко претерпевавшие там поругания и казнь... Царства казанское и астраханское,

вереницы судов на этой реке, новгородские ушкуйники с Ваською Буслаевым и Прокопом... Легкие стружечки Степана Тимофеевича и понизовой вольницы" (С. 21). На Волгу смотрит не восхищенный "поразительной картиной" человек, а ученый историк. Эта стилистика строго выдержана автором, завершающим описания фразой, вполне последовательной и законной с точки зрения выполнения задач создания романа-биографии: "Все это он исследует здесь, переживет сам в этом прошлом. Сколько простора для работы, сколько поэзии в этой работе!" (С. 21).

Таким образом, автор сознательно настаивает на биографической основе своего сочинения. И если бы Мордовцев строже придерживался критериев точности сообщения биографических фактов, свою задачу он исполнил бы вполне, предоставив в руки биографов Костомарова ценнейший материал. Однако Мордовцев достаточно вольно обходится с фактами, пользуясь жанром романа и прибегая к вымыслу там, где необходимы биографическая точность и строгость.

Поход (набег) на волжскую гору Мордовцев сопроводил последней сценой, подчеркивающей несвободу героя. Ратмиров, оглянувшись, увидел: "... недалеко от него на камушке сидел полицейский и задумчиво грыз подсолнечные семечки" (С. 22). Деталь до такой степени характерная, что в романе-биографии ее появление могло быть оправдано только подлинным фактом, запомнившимся Мордовцеву со слов самого Костомарова. Однако сравнение с воспоминаниями Костомарова показывает, что эту сцену Мордовцев просто придумал сам с понятной целью подчеркивания зависимого положения Ратмирова. В "Автобиографии" Костомарова рассказано, что в Саратов он прибыл 24 мая 1848 года вечером, что сразу же принялся бродить по городу, "наконец, утомился и, расспрашивая прохожих, добрался до гостиницы". Вряд ли Костомаров, обладавший феноменальной памятью (о ней сообщают все современники), упустил бы такую примечательную подробность, как сторожившего его полицейского. Между тем, определенно сообщено: вернулся, "расспрашивая прохожих". Дело, конечно, вовсе не в том, что автор романа не имеет права на вымысел. Но мы рассматриваем это произведение как биографический источник, и вправе путем исследования определить, какие сообщенные автором романа-биографии факты являются подлинными, а какие относятся к разряду вымысла.

Точно такой же сочиненной сценой можно читать и описание юродивого, встреченного Ратмировым на базаре. Возможно, Костомаров тоже встречал юродивого и впоследствии делился своими наблюдениями с Мордовцевым. В "Автобиографии" Костомарова о юродивом специально не говорится, и правильнее предположить, что юродивый описан в романе по впечатлениям самого Мордовцева. Таким образом, мы можем предположить, что в биографии Костомарова встречи с юродивым не оставили заметного следа, зато в биографии автора романа, который в своих исторических монографиях исследовал многие народные типы, облик юродивого сохранил значение как яркая фигура городского быта. Поэтому изображенный

Мордовцевым юродивый (имя не названо) представляет интерес как биографический, так и краеведческий, приобретая значение источника, до сих пор не учтенного в исторической краеведческой литературе. Вот эта сцена.; - "То был бодрый, худощавый старик. На голове у него надета была шляпа гречишником, вся украшенная лентами, красными, голубыми, зелеными, которые, как змеи, развевались около его головы. Такие же ленты пестрели у него и на длинной палке, на которую он, словно архиерей на свой жезл, важно опирался. Через плечо у старика перекинут был мешок, из которого он вынимал горстями зерна — овес, пшеницу, пшено, горох и насыпал на верхушки тротуарных тумб или на карнизы деревянных заборов и па подоконники домов. Проходя мимо одного ларя с калачами, он сердито замахнулся палкой на стоявшего у ларя торговца.— Смотри ты у меня! Так огрею жезлом Аарона, что своих не узнаешь! - сказал он повелительно. — А то и самой Марье Акимовне пожалуюсь" (С. 24—25),

Далее следуют рассуждения Ратмирова по поводу самого явления юродивых. "...Он хорошо знал юродивых Древней Руси, изучал историю и старые обычаи московского государства; но современных юродивых ему не приходилось еще видеть. Он полагал, что тип этот изменился сообразно условиям времени... Он видел, что это - хитрый плут, прикрывающий своим ханжеством какие-нибудь практические цели, плутовство выглядывало и из его маленьких, разбегающихся в разные стороны глаз; и Ратмиров понял, что тип старинного юродивого выродился в современного мазурика, а базар и улица все еще продолжают благоговеть перед ним" (С. 25—26).

Но романному времени встреча Ратмирова с юродивым произошла в 1848 году. В это время в Саратове жил и Мордовцев, и его описание вполне укладывается во временные границы пребывания в Саратове Костомарова. Известны также сообщения о саратовском юродивом Н. Г. Чернышевского, написавшего о нем в своей "Автобиографии" 1863 года по личным воспоминаниям 1840-х годов. Здесь названо его имя — Антон Григорьевич или Антонушка. Фамилии установить не удастся. Саратовский краевед С. А. Щеглов считал, что это был Дубинкин, который "восставал на живущих неправдою — бил окна у местных домовладельцев и в полиции"(104). Другой краевед называл Антона Григорьевича Знаменского, происходившего из бывших крепостных крестьян(105). Писали и о Пустовойтове, уроженце города Петровска Саратовской губернии, бывшем купце 3-й гильдии(106). Историк С. Н. Чернов, ссылаясь на воспоминания В. И. Дурасова и И. Я. Славина, привел некоторые подробности из жизни Антонушки, который на короткое время прерывал юродство, но продолжил свои чудачества в 1850-е годы. "И летом и зимою Антонушка ходил в белом холщовом балахоне и в поярковой крестьянской шляпе с перехватом, украшенной разноцветными лентами, опираясь на высокий посох, тоже украшенный такими же лентами и привязанными к набалдашнику связками бубликов и мелких кренделей. Через плечо у Антонушки всегда была повешена торба с овсом или пшеном, которым он кормил голубей и других пернатых". Значительную часть всяческих добродетельных деяний он раздавал нищим, вел нравственные

проповеди, обличал житейские пороки. Дожил он до 1890-х годов(107).

Судя по всему, Мордовцев имел в виду именно Антонушку. Но содержащееся в его романе толкование действий юродивого отличается от тех, которые приведены другими современниками, видевшими в Антонушке борца за справедливость. И Чернышевский свое понимание юродства Антонушки связывал со стихийным нравственным бунтом совестливого человека против социальной несправедливости. Сохраняет ценность данное Мордовцевым описание юродивого, объяснения же этого типа требует сопоставления с другими свидетельствами.

Биографический интерес представляет также описанный в романе круг общения Ратмирова. Мы уже говорили, что в данном случае речь должна идти не о прототипах, а о реальных лицах, введенных в роман со слегка измененными фамилиями, легко угадываемыми. Тем не менее, несмотря на простоту способов сокрытия подлинных фамилий, исследователи так и не смогли полностью "угадать" всех подлинных действующих лиц романа. Сделать это необходимо, иначе не до конца исчерпывается вся биографическая источниковая ценность произведения Мордовцева.

Некоторые имена споров не вызывают. Это Евгений Александрович Чернов — в жизни Евгений Александрович Белов (1826—1895). Он преподавал в Саратовской гимназии географию в 1852—1862 годах, его знакомство с Мордовцевым относится к 1855 году. Его коллегой по роману выступает Виктор Гаврилович Жаренцов — в жизни Виктор Гаврилович Варенцов, учитель словесности в гимназии с 1854 года. "С ними Ратмиров был в самых дружеских отношениях" (С. 91). В своих воспоминаниях о Костомарове Мордовцев писал о "суровом Белове", "слыша, бывало, его походку в передней, Костомаров обыкновенно шутил: идет, точно статуя Командора". "Много встречал в жизни невеселого и оттого на его рассуждения лежала печать пессимизма", "пылкий и раздражительный от природы"(110).

Постоянным участником "вторников" Ратмирова была Анна Николаевна Пасхина - Анна Никаноровна Пасхалова, "очень живая стриженная барынька, лет под тридцать. Стриженная она была не потому, что ее считали за нигилистку - в то время еще и не существовало этого понятия — а потому, что ей так нравилось: меньше возни с волосами. Да и вообще это была барынька умная, образованная и талантливая, пренебрегала всякою условною общественною рутинною, и потому чопорные барыни называли ее "странною", хотя и побаивались ее острого язычка и ее сатирического пера. Мужчины же находили, что с нею всегда и обо всем можно говорить с интересом". Ратмиров "нашел в ней такую же, как и сам, увлекающуюся натуру" -- вместе изучали звезды и вместе собирались "лететь на воздушном шаре, который они серьезно задумали соорудить" (С. 90). Костомаров о ней: "Это была женщина чрезвычайно любознательная и увлекающаяся; ее, как и меня, занимала в то время астрономия"(111). В окружении Ратмирова особенно часто появлялся Александр Дмитриевич Прямунов — Александр Дмитриевич Горбунов, советник саратовской казенной палаты. Ю. М.

Стеклов полагал, что А. Д. Прямунов списан с управляющего саратовской удельной конторы Н.А. Мордвинова"(112). Почему-то это указание принято исследователями на веру и ни разу никем не пересматривалось. Утверждение Ю. М. Стеклова может быть опровергнуто самим фактом назначения Н. А. Мордвинова на должность 8 февраля 1859 года"(113) - события в романе Мордовцева происходят за несколько лет до этой даты. Именно на А. Д. Горбунова как одного из первых саратовцев, с которыми познакомился Костомаров по приезду в город, указывал сам Костомаров. Он вспоминал: "...было письмо от чиновника III отделения Норстрема к его товарищу советнику казенной палаты Горбунову... Горбунов обошелся со мной хорошо, и я бывал у него. В романе действует также младший брат Прямунова Павел Дмитриевич — "по наружности Квазимодо, но большой шутник и балагур" (С. 65). Называется доктор Альтани (С. Ф. Стефани), Николай Гаврилович - Чернышевский, о котором мы особо говорили в первой главе пособия, кузен Пасхиной Иван Дмитриевич Эгмонт - Иван Дмитриевич Эсмонт (кстати, именно он познакомил в 1855 году Мордовцева с Костомаровым(115) и его отец — Дмитрий Иванович Эгмонт - Дмитрий Иванович Эсмонт, дядя Пасхаловой. Д. И. Эгмонта, с которым и романе Николай Гаврилович спорил о славянах, между тем, принято считать лицом "вымышленным"(116) .

О всех участниках костомаровского окружения Мордовцев довольно подробно писал в воспоминаниях, называя также князя В. А. Щербатова, чиновника И. А. Гана, А. Н. Бекетова, поляков Минкевича, Хмелевского, нескольких дам"(117). В Воспоминаниях обозначено время, когда все они собирались дружной компанией — 1855-1856 годы. Причем Мордовцев подробно описывает поездки со своим участием, точно воспроизведенные в романе, в котором действие передвинуто на 1852-1853 годы. Так, описана поездка на Увек 17 апреля 1856 года с целью произвести раскопки. "Не помню, — писал Мордовцев, — найдено ли было нами что-нибудь интересное в мусоре развалин, но во всяком случае мы возвратились в Саратов не с пустыми руками"(118). Это написано в 1888 году, а в романе (1889) та же поездка воспроизведена с более живыми подробностями и сообщено: "удалось выкопать несколько монет, куски мозаики и красивые изразцы" (С. 131). Здесь же рассказано, как Ратмиров с Лидочкой Пестовой исследуют "пещеру Стеньки Разина" (С. 132). По сюжету видно было, что отношениям Ратмирова с Лидочкой в последующем изложении будет дано особое место, и они составят на какое-то время специальные главы. С большой степенью вероятности можно предположить, что Лидочка Пестова - Наталия Дмитриевна Ступина, о которой упоминалось в первой главе пособия.

В работе над романом Мордовцев не мог обойти того, что составляло смысл жизни Ратмирова - его творчества ученого. Он упоминает работы, над которыми тот тогда трудился — о Степане Разине, о Богдане Хмельницком. В задачу романиста входило также психологическое проникновение в характер ученого, изображение таких его

особенностей, которые присущи человеку, постоянно погруженного в творческий процесс. Близко зная Костомарова в течение долгого времени, Мордовцев был хорошо осведомлен в этих подробностях, скрытых от глаз других знавших историка людей. Включенные в роман соответствующие списания составляют, без сомнения, ценный биографический источник, без учета которого любое жизнеописание Костомарова потеряет в очень существенном — в построении концепции личности.

О нервности, впечатлительности, богатом воображении Костомарова писали многие(119) . Отсюда мнительность, преувеличенное мнение о своих болезненных припадках, "спал мало и чутко» (120) , интерес к мистицизму, спиритизму, к сюжетам "с оттенком фатализма и неразгаданных влияний" (121), был склонен к галлюцинациям(122), "по натуре своей Николай Иванович был человек доброго сердца, но впечатлительный, крайне нервный, а подчас при головной боли (он страдал мигренью) - капризный и вспыльчивый"(123).

Однако никто не связывал эти особенности с его творчеством. Нужно было очень близко его знать и наблюдать, чтобы уловить эту связь. Мордовцевым приведены и в романе, и в воспоминаниях наблюдения, получающие значение важного биографического источника.

"Я помню, Костомаров так увлекался, когда писал своего "Стеньку Разина", что для придания своей душе и своему перу больше задору и красок — он бил у себя в кухне посуду и со свирепостью кричал: "бей их, сяких-таких, чтоб на семена не осталось!"(124). В роман этот эпизод включен почти полностью, но изменена фраза, выкрикиваемая Ратмировым — "я Стенька Разин", а вошедшему объяснил: "Это я московских воевод колотил" (С. 104, 106). Мать Ратмирова рассказывала о нем, что такого рода чудачества проявлялись еще в детские годы (С. 105). Своим друзьям Ратмиров рассказал однажды, что в последние месяцы сидения в Петропавловской крепости он "видел раз Кремуция Корда" (С. 103) — именно тогда он задумал и начал сочинять драму "Кремуций Корд", которая была им опубликована в 1862 году. И. А. Ливниченко со ссылкой на рассказ Мордовцева вспоминал о таком любопытном эпизоде: "На вопрос Даниила Лукича Мордовцева, как он мог так живо изобразить Богдана Хмельницкого, Николай Иванович совершенно серьезно ответил: "Я видел его, он сидел здесь рядом со мною"(125). Несомненно, возбуждаемое творчеством воображение участвовало в исторических исследованиях Костомарова, придавая им яркость и живость.

Как видим, роман "Профессор Ратмиров" содержит немало ценных указаний для характеристики саратовского периода жизни Костомарова. Однако в произведении Мордовцева немало и таких сведений, которые в качестве достоверного источника не могут быть использованы без надлежащей критической проверки.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Литературная деятельность Мордовцева ведет отсчет со второй половины 1850-х годов — начала 1860-х., характеризующихся значительным общественно-литературным оживлением ввиду предстоящих реформ внутренней жизни России. Наиболее значительной фигурой этой эпохи в России был Н. Г. Чернышевский, с которым Мордовцева свела судьба еще в гимназические годы. В пособии рассмотрены источники, характеризующие их взаимоотношения более позднего времени. Материалы этих взаимоотношений показывают, что большого влияния со стороны Чернышевского Мордовцев не испытал. Развитие убеждений Мордовцева совершалось в стороне от деятельности Чернышевского, которую он не разделял вполне. В своих романах конца 1860-х годов "Новые русские люди", "Знамена времени", "Из прошлого" (в известной мере), "Профессор Ратмиров" Мордовцев уделил немало внимания характеристике личности Чернышевского и его идей. Отдавая должное руководителю "Современника", Мордовцев в то же время, включившись в "антинигилистическое" литературное движение, выступил с критикой "школы Чернышевского", которую квалифицировал исключительно как революционную и тем самым суживал или даже искажал ее значение в развитии русской общественной мысли. Созданными им образами "новых людей" Мордовцев в противовес автору "Что делать?" пропагандировал идеи "славянского федерализма" и "хождения в народ". Однако сам автор этих романов не сумел развернуть эти идеи в глубоко продуманную, всесторонне аргументированную и художественно выписанную программу, и его полемика с Чернышевским ведется фрагментарно и часто бездоказательно.

Основное воздействие на систему воззрений Мордовцева и формирование принципов его научной и литературной работы оказал Н. И. Костомаров, один из идейных оппонентов Чернышевского. В научной литературе до сих пор еще недостаточно оценен вклад Мордовцева в разработку биографии великого историка, с которым его связывала тридцатилетняя дружба. Деятельность Мордовцева-биографа — значительная страница его собственной биографии. Рассмотренные в монографии собранные Мордовцевым биографические материалы позволяют существенно дополнить сложившиеся представления о саратовском периоде жизни историка. Особенно любопытной представляется попытка романного воплощения облика Костомарова, предпринятая в романе-биографии "Профессор Ратмиров", оставшимся произведением незавершенным. Это произведение, всесторонне проанализированное в критических сопоставлениях с другими биографическими материалами, многие из которых впервые введены в научный оборот, приобретает значение биографического источника. Критическое изучение романа-биографии показало, какие сообщенные здесь факты и подробности заслуживают полного доверия ввиду их достоверности, а какие нуждаются в уточнениях или должны быть полностью отвергнуты как результат авторского вымысла, не находящего опоры в источниках. В целом роман содержит немало ценных

достоверных сведений о жизни Костомарова в Саратове в 1848-1856 годах.

Предложенное в спецкурсе изучение Саратовского периода жизни и творчества Мордовцева может, по нашему мнению, послужить основой для создания более полной и научно выверенной биографии писателя.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 История русской литературы XIX века: 70—90-е годы / Под ред. В.Н. Аношкиной, Л. Д. Громовой, В. Б. Катаева. 2-е изд., испр. М., 2006. С. 28.

2 Современники о В. М. Гаршине / Сост. и автор вступ. статьи, Г. Ф. Самосюк. Саратов, 1977. С. 229.

3 Милюков Ю. Г. Мордовцев Даниил Лукич // Русские писатели. XIX век: Биобиблиографический словарь в 2 т. / Под ред. П. А. Николаева. М., 1996. Т. 2. С. 44—47; История русской литературы XIX века: 50—60-е годы / Под ред. В. Н. Аношкиной, Л. Д. Громовой. 3-е изд., испр. М., 2006. С. 204.

4 Момот В. С. Даниил Лукич Мордовцев: очерк жизни и творчества. Ростов-на-Дону, 1978.— 87с.

5 См.: Мордовцев Д. Л. Собр. соч.: В 50 т. СПб., 1901—1902; Мордовцев Д. Л. Ноли. собр. исторических романов, повестей и рассказов: В 33 т. СПб., 1902—1915.

6 Мордовцев Д. Л. Знаменья времени. М., 1957; Мордовцев Д. Л. Великий раскол. Накануне волн. Ростов-на-Дону, 1987; Мордовцев Д. Л. Соч.: В 2 т. М., 1991; Мордовцев Д. Л. Собр. соч.: В. 14 т. М., 1995—1996.

7 Куприяновский П. Доверие к жизни: литературоведческие и литературно-критические статьи. Ярославль. 1981. С. 137.

8 См.: Аржаная Г. И. Предисловие //Мордовцев Д. Л. Знаменья времени. М., 1957. С. Ш—XIX; Самосюк Г. Ф. Д.Л.Мордовцев //Русские писатели в Саратовском Поволжье /Под ред. проф. Е. И. Покусаена. Саратов, 1964. С. 75—88; Беляев В. Г. Мордовцев Даниил Лукич //Краткая литературная энциклопедия: В 9 т. М., 1967. Т. 4. С. 97V--971; Шаталов С. И др. Социологическое течение в критическом реализме //Развитие реализма в русской литературе: В 2 т. М., 1973. Т. 2. Кн. 2. С. 416- -420.

9 Муренина Г. П. "Работою вы победите мир" //Саратовские друзья Чернышевского /Под общ. ред. проф. И.В.Пороха. Саратов, 1985. С. 72—86.

10 Мордовцев Д.Л., Новые русские люди (материалы для истории современного русского общества) //Всемирный труд. 1868. № 5. С. 33 -75; № 6. С. 1—47; № 7. С 83— 129; № 8. С. 1 -92. В дальнейшем ссылки даются в тексте с указанием в скобках номера журнала и страницы.

11 Северная пчела. 1862. № 70.

12 Домашняя беседа. 1862. Вып. 13. С. 303.

13 Наше время. 1862. №57.

14 Н. А. Добролюбов в воспоминаниях современников. /Сост. С. А.

Рсйсер. Л., 1961. С-327,

15 Н. Г. Чернышевский в воспоминаниях современников / Сост. Е. И. Покусаев, А. А. Демченко. М., 1982. С. 246.

16 См.: Краснов Г. В. Выступление Н.Г. Чернышевского с воспоминаниями о Добролюбове 2 марта 1862 г. как общественное событие // Революционная ситуация в России в 1859—1861 г. М., 1965. С. 143—163.

17 Чернышевский Н. Г. Поли. собр. соч.: В 16т. М., 1939—1953. Т.1, С. 760—763. В дальнейшем ссылки даются по этому изданию

18 Напр., см.: Муренина Г. П. Указ. соч. С. 80.

19 Мордовцев Д. Знамения времени. Роман в двух частях //Всемирный труд. 1869. №]—8. В книге В С. Момота ошибочно указан год публикации романа- 1868 (Момот В. С. Указ. соч. С. 61).

20 Мордовцев Д. Л. Собр. соч.: В 50 т. СПб., 1901—1902,

21 Мордовцев Д. Л. Знамения времени. М., 1957.

22 Короленко В. Г. Собр. соч.: В 3 т. М., 1955. Т. 5. С. 315

23 Литературное наследство. М., 1949. Т. 51-52. С. 402.

24 Автор "Предисловия" Г. И. Аржаная указывала на противоречивость отношений героев "Знамении времени" к Чернышевскому и роману "Что делать?" (С. XIV). Максимально сближает позиции авторов "Знамений времени" и "Что делать?" Н. М. Белова. См.: Белова П. М. Роман Н.Г.Чернышевского "Что делать" и "Знамения временем" Д. Л. Мордовцева // Н. Г.Чернышевский, Статьи, исследования и материалы. Саратов: Изд-во "Научная книга", 2002. Вып. 14. С. 70—77.

25 Слинко А. А. Русская литература: И. С. Тургенев, А. Н. Островский, Н. А. Некрасов. Н. Г.Чернышевский. Воронеж, 1995, С. 108-122.

26 Чернышевский Н. Г. Поли. собр. соч. Т. XI. С. 144,

27 Короленко В. Г. Собр., соч. Т. 5. С. 316,

28 Впервые: Отечественные записки. 1870. № 7. Отд. III. С. 49—54.

29 См.: Покусаев Н. Салтыков-Щедрин в шестидесятые годы. Саратов, 1957, С. 195-201.; Макашин С. Салтыков-Щедрин, Середина пути. 1860-1870-е годы. Биография. М., 1984, С. 54-58.

30 Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч.: В 20 т. М., 1970. Т, 9. С. 368—373.

31 Подробнее см.: Мысляков В. А. Салтыков-Щедрин и народническая демократия. Л., 1984.

32Мордовцев Д. Л. Профессор Ратмиров. Роман-быль // Книжки недели. 1889. Январь. С. 1—71; Февраль. С. 73—136. В дальнейшем ссылки даются в тексте в круглых скобках с указанием на страницы этого издания.

33 Книжки недели. 1889. № 4. С. 1.

34 Книжки недели. 1889. № 1. С. 8S.

35 Н. Г.Чернышевский в воспоминаниях современников. С, 75.

36 Книжки недели. 1889. № 1. С. 110

37 Напр., см.: Н.Г.Чернышевский в воспоминаниях современников. С. 139.

38 Книжки недели. 1889. № 1. С. 96

- 39 Русская мысль. 1885. № 6. С. 24.
- 40 Книжки недели. 1889. №1.0. 93-94.
- 41 Чернышевский Н. Г. Поли. собр. соч. Т. I. С. 776.
- 42 Там же. С. 773, 777.
- 43 Домановский Л. В. К саратовским взаимоотношениям Н.Г.Чернышевского и Н.И.Костомарова // П. Г. Чернышевский. Статьи, исследования и материалы. Саратов, 1962. Вып. 3. С. 213—232.
- 45 Мордовцев Д. Л. Из минувшего и пережитого (о батьке Тарасе и еще кое о чем). Воспоминания // Т. Г. Шевченко в воспоминаниях современников. М., 1962. С. 297.
- 46 О его разногласиях с А. И. Герценом см.: Демченко А. А. Н. Г. Чернышевский. Научная биография. Саратов, 1992. Т. 3. С. 8—53.
- 47 Саратовские губернские ведомости. 1859. № 32.
- 48 См.; Костылева Р.Д. Д. Л. Мордовцев — редактор и публицист "Саратовских губернских ведомостей". Уссурийск, 1986 // ИНИОН. № 26123 от 24.07.86; Хованский Н. Ф. "Саратовские губернские ведомости" // Саратовский край. 1893. Вып. 1. С. 282.
- 49 Т. Г. Шевченко в воспоминаниях современников. С. 304.
- 50 Чернышевский Н. Г. Поян. собр. соч. Т. V. С. 645.
- 51 Т. Г. Шевченко в воспоминаниях современников. С. 304.
- 52 Дело Чернышевского. Сб. документов /Сост. И.В.Порох. Общ. ред. Н.М. Чернышевской. Саратов, 1968. С. 601.
- 53 Мордовцев Д.Л. Исторические поминки по Н.И. Костомарове. // Русская старина. 1885. №6. С. 618-
- 54 Там же. С'.617—648; Мордовцев Д. Л. Н. И. Костомаров в последние 10 лет его жизни. 1875—1885 // Русская старина. 1885. № 12. С. 636—662; 1886. № 2. С. 323— 360.
- 55 Мордовцев Д. Л. Н. И.Костомаров пи личным моим воспоминаниям // Новь. 1888. № 15. С. 109- -121; № 16. С- 211- 217; № 17. С. 34—45.
- 56 Новь. 1888. №15. С-109.
- 57 Автобиография П. И. Костомарова //Русская мысль. 1885. С. 22.
- 58 Новь. 1888. №15. С. 112.
- 59 Русская мысль. 1885. № 6. С. 27.
- 60 Автобиография Н. И. Костомарова. М., 1922. С. 221.
- 61 Новь. 1888. №15. С. 121.
- 62 Новь. 1888. №16. С. 212.
- 63 Там же. С. 215.
- 64 Санкт-Петербургские ведомости. 1861.№237, 258,261, 262, 270,275,281.
- 65 См.: Свисток. Собрание литературных, журнальных и иных заметок // Изд. подг. А. А. Жук и А. А. Демченко. М., 1981. С. 255—262, 529—533.
- 66 Недоборовский Зосим. Мои воспоминания // Киевская старина, 1893. № 2. С. 208.
- 67 Об этом подробнее см.: Демченко А. А. Н. Г. Чернышевский. Научная биография. Саратов.1994. Т. 4. С. 147—151, 182, 243.

- 68 Русская старина. 1885. № 6. С. 642.
- 69 Свисток. С. 95.
- 70 Русская старина. 1885. № 6. С. 618.
- 71 Новь. 1888. №16. С. 214.
- 72 Русская старина. 1894. № 2. С. 203, 207, 208.
- 73 Русская старина. 1888. № 4. С. 168.
- 74 Памяти И.И.Костомарова // Киевская старина. 1885. № 5. С. XXVII.
- 75 Беренштам В. Воспоминания о последних годах жизни Н.И. Костомарова // Киевская старина. 1885. № 6. С. 229.
- 76 Корсаков Д. Из воспоминаний о Н.И.Костомарове и С.М. Соловьеве // Вестник Европы. 1906., №9., С. 222.
- 77 Линниченко И. А. Речи и поминки. Одесса, 1914. С. 112.
- 78 Мордовцев Д. Л. Профессор Ратмиров. Роман-быль. // Книжки недели. 1889. Апрель С. I
- 79 Момот В. С. Указ. соч. С. 85—87.
- 80 См., напр.: Самосюк Г. Ф. Указ. соч. С. 85—87; Муренина Г, П. Указ. соч. С. 77—79.
- 81 См.: Муренина Г. П. Указ. соч. С. 79.
- 82 Литературное наследие. Автобиография. Стихотворения - сцены - исторические справки - Малорусская народная поэзия — последняя работа Н. И. Костомарова. СПб., 1890. В дальнейшем: Литературное наследие.
- 83 Русская мысль. 1885. № 5,6.
- 84 Автобиография Н.И. Костомарова / Под ред. В. Котельникова. М., 1922.
- 85 Государственный архив Саратовской области. Фонд 1. Опись I. Дело № 742. Л.1—77; Демченко А. А. Н. Г. Чернышевский. Научная биография. Саратов. 1978. Т.1. С. 244—245. Далее сведения из указанного архивного источника приводятся по этому изданию.
- 86 Николай Иванович Костомаров. По воспоминаниям Алины Леонтьевны Костомаровой // Автобиография Н.И.Костомарова. М., 1922. С. 9,10.
- 87 Автобиография Н.И. Костомарова. М., 1922. С. 12.
- 88 Гвоздиков Е. Н. И. Костомаров в воспоминаниях одною из его учеников // Русская старина. 1890. № 4. С. 208.
- 89 Автобиография Н. И. Костомарова. М., 1922. С. 147.
- 90 Русская мысль. 1885. № 5. С. 203—204.
- 91 Краткий очерк жизни и деятельности Н. И. Костомарова // Киевская старина. 1885. №5. С. ГП.
- 92 Русская старина. 1885 № 12. С. 638.
- 93 Русская мысль. 1885. № 6. С. 21-22.
- 94 Автобиография Н. И. Костомарова. М., 1922. С. 205.
- 95 Там же. С. 64—70.
- 96 Автобиография Н.И. Костомарова. М, 1922, С. 71- 72.
- 97 Там же. С. 74, 76.
- 98 Чернышевский Н, Г. Полл. собр. соч. Т. 1. С. 767.

- 99 Палимсестов Ив. Из воспоминаний о Н. И. Костомарове // Русское Обозрение. 1895. №7. С. 156, 166—167.
- 100 Русская старина. 1885. № 12. С. 639,640.
- 101 Юнге В. Воспоминания о Н. И. Костомарове // Вестник Европы. 1910 № 11. С. 153,155.
- 102 О происхождении названия "Саратов" см.: Статистическое описание Саратовской губернии, составленное Андреем Леопольдовым. Саратов, 1839. Ч. 2. С. 1—2; Максимов Е. К., Хижняк Л. Г. Была ли "Желтая гора"? // Краеведческие чтения. Саратов, 1993-С. 22—30.
- 103 Русская мысль. 1885. № 6. С. 20.
- 104 Труды Саратовской Ученой архивной комиссии. 1909. Вып. 25. С. 305-306,
- 105 Саратовский дневник. 1888..№ 135.
- 106 Там же. №137.
- 107 Н. Г. Чернышевский Литературное наследие.: В 3 т. М.;Л, 1928 - 1930. Т. 1С. 715—716.
- 108 Чернышевский Н. Г. Поли. собр. соч. Т. 1. С. 593.
- 109 Новь, 1888. № 15. С. 119.
- 110Бестужев-Рюмин К. Н. А. Белов // Журнал Министерства народного просвещения. 1895. №11. С. 103,105.
- 111 Автобиография Н. И. Костомарова. М., 1922. С. 212.
- 112 Стеклов Ю. Еще о Чернышевском. М.;Л., 1930. С. 147.
- 113 См.: Порох И. В. История в человеке: Н. А. Мордвинов — деятель общественного движения в России 40—£0 годов XIX в. Саратов, 1971, С. 49.
- 114 Русская мысль. 1885. № о. С. 20.
- 115 Новь. 1888. №15. С. ИЗ.
- 116 См.: Муренина Г. П. Указ. соч. С. 78.
- 117 Новь. 1888, №15. С. 119.
- 118 Там же. С. 121.
- 119 Напр., см.: Корсаков Д. Указ. соч. С. 222.
- 120 Беренштам В. Указ. соч. С. 220,221.
- 121 Горлснко В. Две поездки с Н. И. Костомаровым //Киевская старина. 1886 № 1. С. 121.
- 122 Воронов Ив. Указ. соч. С. 678.
- 123 Недоборовский Зосим. Указ. соч. С. 196. См. также: Новицкий А- Из жизни Н. И. Костомарова // Голос минувшего. 1916. № 2. С. 257—258.
- 124 Новь. 1885. №15. С.114
- 124 Демченко И. А. Указ. соч. С. 11.

Вопросы и задания для самостоятельной работы

1. Составить краткие биографии Д. Л. Мордовцева, Н. Г. Чернышевского и Н. И. Костомарова.
2. Подобрать характеристики литературной деятельности Д. Л. Мордовцева из биобиблиографических словарей, учебников и учебных пособий по истории русской литературы XIX в.
3. Перечислить в хронологическом порядке «общественные» романы Д. Л. Мордовцева и указать место их опубликования.
4. Проанализировать творческую манеру Д. Л. Мордовцева-беллетриста.
5. Охарактеризовать соотношение документального и художественного в одном из романов Д. Л. Мордовцева.
6. Источниковедческая основа «общественных» романов Д. Л. Мордовцева.
7. Рассмотреть роман «Профессор Ратмиров» как источник для биографии Н. Г. Чернышевского и Н. И. Костомарова.
8. Д. Л. Мордовцев и Н. Г. Чернышевский: диалог или полемика? К спорам вокруг романа «Знамения времени».
9. Романы «Знамения времени» Д. Л. Мордовцева и «Дым» И. С. Тургенева: опыт сопоставительной характеристики.
10. А. И. Герцен в оценке Д. Л. Мордовцева-романиста.
11. Система образов в романе «Знамения времени».
12. Д. Л. Мордовцев в русской критике.
13. Проблема славянской федерации в романах Д. Л. Мордовцева.
14. Отражение идей народничества в творчестве Д. Л. Мордовцева.
15. Д. Л. Мордовцев как публикатор своей переписки.
16. Д. Л. Мордовцев в воспоминаниях современников.
17. Д. Л. Мордовцев — мемуарист.
18. Д. Л. Мордовцев в Саратове.
19. Д. Л. Мордовцев и А. Н. Пасхалова-Мордовцева.
20. Н. Г. Чернышевский и Н. И. Костомаров о Д. Л. Мордовцеве.
21. Проблема создания летописи жизни и творчества Д. Л. Мордовцева.
22. Саратовские исследователи биографии и творчества Д. Л. Мордовцева.
23. Характеристика современных изданий сочинений Д. Л. Мордовцева.
24. Оценка книги В. С. Момота о Д. Л. Мордовцеве (Ростов-на-Дону, 1978).
25. Перспективы современного изучения Д. Л. Мордовцева.

Словарь опорных терминов

Антинигилизм. В философских, исторических, социологических, культурологических исследованиях, посвященных проблеме нигилизма в России, это явление обозначается осторожно: "антинигилистические

взгляды", "антинигилистические выступления", "антинигилистические настроения. Они характеризуются по преимуществу политическими, имеющими тесную связь с "либерально-консервативным направлением", с "охранительной идеологией того времени", с "русским консерватизмом" и т.

Изучение взглядов русских антинигилистов Н.Н. Страхова, Н.И. Соловьева, М.Н. Каткова, М. де Пуле, И. Циона, М.В. Авдеева, П. Цитовича, П. Щебальского, С. Смоликовского, А. Незлобина и др. убеждает в том, что антинигилистическое движение в России — в условиях открытой полемики с нигилистами, в период становления антипозитивистского течения русской философии, в ситуации агрессивного воздействия нетрадиционного для русской культуры учения — было проявлением и выражением христианской духовной традиции (См.: Старыгина Н.Н. Образ человека в русском полемическом романе 1860-х годов. М., Йошкар-Ола, 1996).

Полное описание **антинигилизма** осуществимо в процессе комплексных исследований историков, культурологов, философов, социологов. Однако специфика форм выражения антинигилистических идей дает возможность охарактеризовать их, используя материал, доступный филологу: публицистику, литературную критику, беллетристику и даже поэтическое творчество.

Аллюзия (франц. *allusion* — намек) — стилистическая фигура, выражение, содержащее намек на историческое событие, реалии современной общественно-политической жизни, на произведение искусства и др.

Интертекст. "В современном литературоведении термин "интертекстуальность" широко употребителен и весьма престижен. Им часто обозначается общая совокупность межтекстовых связей, в состав которых входят не только бессознательная, автоматическая или самодовлеющая игровая цитация, но и направленные, осмысленные, оценочные отсылки к предшествующим текстам и литературным фактам. (В область межтекстовых связей входят также соотношения между авторским словом и словами чужими, в частности — двуголосыми). присутствующие в словесно-художественном произведении, но не всецело принадлежащие автору речевые единицы (как бы их ни называть: неавторскими словами и реминисценциями, или фактами интертекстуальности, или осуществлением межтекстовых связей) естественно рассматривать прежде всего как звенья содержательно значимой формы" (Хализев В.Е. Теория литературы. М., 1999. С. 261-262).

Игра — одна из самых загадочных сфер человеческой деятельности. В современных исследованиях ее рассматривают как воссоздающую деятельность человека, единицей которой является роль. Игра имеет собственный сюжет (область действительности, которая в ней воспроизводится через событийный ряд) и содержание (в котором выявляются общественные, личные и иные взаимоотношения между людьми). Игра есть мнимая, иллюзорная ситуация, так как играющий и созерцающий осознают условность игрового поведения человека. Игровая

реальность обособлена от неигровой реальности. По определению Й.Хейзинги, игра --«действие, протекающее в определенных рамках места, времени и смысла, в обозримом порядке, по добровольно принятым правилам и вне сферы необходимости» (Хейзинга И. Homo ludens. В тени завтрашнего дня. М., 1992. С. 149).

«Игра и искусство» — глобальная проблема философии и эстетики. Важно понять, что «в пределах объективации эмоциональной сферы автор задает свои правила игры, свою парадигму художественного мышления, согласуемую со средствами деятельности — поэтическим языком» (Карпов И.П. Автор — образ — критик (введение в аналитическую филологию) // Открытый урок по литературе (Материалы, конспекты, планы): Пособие для учителей. М., 1997. С. 141). В данном случае «игра рассматривается как свойство, приписываемое субъектом высказывания любому виду деятельности» (Карпов И.П. Указ. соч. С. 141). Произведение искусства, в данном случае — литературно-художественное, можно рассматривать как результат словесно-речевой игры автора. Вместе с тем значительный интерес представляют и более конкретные проблемы, связанные с изучением литературного текста, ведь игра проявляет себя в «формах образного воплощения, в мотивах и способах их оформления и выражения» (Хейзинга И. Указ. соч. С. 153). Задача исследователя — выявить и осмыслить формы словесно-речевой игры автора, игровые структуры и ситуации как художественный прием; осознать, насколько органично они вписываются в контекст произведения и каковы их эстетические функции; показать, каким образом они способствуют художественному воплощению авторской концепции мира и человека.

Контекст (отлат. contextus — тесная связь, соединение). В литературоведении под этим термином понимается обусловленность литературного произведения текстовыми и внетекстовыми, литературно-художественными и внехудожественными факторами. Различаются ближайшие (творческая история произведения, биография и личность творца, его среда) и удаленные (литературная традиция, внехудожественный опыт прошлых поколений, реализованный в мифологии, философии, культуре и т. д.) контексты литературного произведения (См.: Хализев В.Е. Теория литературы. М., 1999. С. 291-292).

Народ — в современном значении этого слова — синоним к «нация», однако в XIX веке в России это слово употреблялось в более узком смысле. Народом признавали только лишь крестьян, мещан, небогатых купцов — т.е. тех людей, которые добывают себе средства на жизнь физическим трудом. Остальная часть нации — дворянство, чиновничество, духовенство, люди свободных профессий — относилась к т.н. «обществу». Подобная семантика естественно породила ряд идейных течений, см. к примеру, «народничество», «почвенничество»...

Народничество — идейно-политическое движение разночинской интеллигенции в России последней трети XIX века, в основе которого была идея о переходе к социализму через крестьянскую **общину*** (эту мысль ещё

раньше высказывали А.И. Герцен и Н.Г. Чернышевский). Способы перехода предлагались различные – агитация (П.Л. Лавров), подготовка народного восстания (М.А. Бакунин), заговор (П.Н. Ткачёв). В 60-е годы возникает организация «Земля и воля», началось «хождение в народ», но крестьянство в массе своей не поддержало пропагандистов. В конце 70-х годов появляется новая «Земля и воля», которая через некоторое время разделилась на террористическую «Народную волю» и пропагандистский «Чёрный передел». Народовольцам удалось убить Александра II, но политических целей своих они не добились, после разгрома Исполнительного комитета движение пошло на убыль. Либеральное народничество действовало через легальную печать (журнал «Русское богатство», газета «Неделя»), участвовало в земской деятельности. Некоторые народники трансформировались потом в первых русских марксистов (Г.В. Плеханов).

«Натуральная школа» – (синоним – гоголевское направление) – определённая общность русских писателей 40-50-х годов XIX века (И.С. Тургенев, А.Н. Островский, И.А. Гончаров, А.И. Герцен, И.И. Панаев, В.И. Даль, Я.П. Бутков и др.), начальный этап развития русского критического реализма, в котором реалистические и натуралистические тенденции сосуществовали пока что на уровне общей идеи всестороннего и правдивого изображения окружающей действительности. Сам по себе термин возник парадоксальным образом: в одной из своих рецензий (1846 г., «Северная пчела», № от 26 января) Ф.В. Булгарин, характеризуя творчество молодых писателей, последователей Гоголя, иронически назвал их «натуральной школой» за чрезмерное, по его мнению, увлечение «натурой», низменными сторонами жизни. В.Г. Белинский подхватил это определение и стал употреблять его в позитивном смысле: «натуральное» – значит – строго правдивое, не идеализированное изображение действительности.

Община – 1) в первобытном обществе – производственный, семейно-бытовой и культовый коллектив, определяющий все аспекты жизни племени; в процессе своего развития семейно-родственная община трансформируется в соседскую; 2) первичная административная единица в некоторых странах Азии, Африки и Латинской Америки, а также в России, где она с точки зрения административной называлась – волость. Русская община регулировала землепользование – крестьянская семья не имела определённого участка, но получала долю в общем земельном фонде; волость обеспечивала исполнение государственных повинностей, собирала деньги на общие расходы (наём пастуха и пр.), решала гражданские и мелкие уголовные дела. Общину ещё называли – мир («Мир всему голова», «Супротив мира не попрёшь»).

Остранение – повествовательный приём, который заключается в том, что вещь или явление не называется его именем, а описывается как нечто в первый раз увиденное. При этом повествователь употребляет в описании вещи не те названия её частей, которые приняты, а называет их так, как называются соответственные части в других вещах. Повествователь как бы

становится на точку зрения профана (иностранца?, животного? и пр.). К примеру, в рассказе Л.Н. Толстого «Холстомер» повествование ведётся с точки зрения лошади: «Многие из тех людей, которые меня, например, называли своей лошадей, не ездили на мне, но ездили на мне совершенно другие».

«Передвижники» – русские художники, входившие в объединение «Товарищество передвижных выставок» (1870, инициаторы – И.Н. Крамской, Г.Г. Мясоедов, Н.Н. Ге, В.Г. Перов). Противопоставив своё творчество требованиям петербургской Академии художеств, «передвижники» стали изображать жизнь в формах самой жизни – природу родной страны, моменты народной жизни, ключевые события русской истории. Писали также портреты, картины на евангельские сюжеты. Можно сказать, что это явление было формой воплощения критического реализма в изобразительном искусстве. В 1890-е годы некоторые участники «Товарищества...» вошли в состав Академии художеств (И.Е. Репин, В.Е. Маковский и др.) С начала XX века «передвижники» потеряли былое общественное влияние, но само «Товарищество...» распалось только в 1923 году.

Почвенничество – идейное течение в России 60-70-х годов XIX века, основоположники – Ф.М. Достоевский, Н.Н. Страхов, А.А. Григорьев. В основе термина – метафора (народ – почва, общество – то, что произрастает на этой самой почве). Разрыв между народом и обществом произошёл, по мнению почвенников, во время петровских реформ, и этот разрыв надо преодолеть (см. «Зимние заметки о летних впечатлениях» Ф.М. Достоевского). Это идейное течение называли умеренным славянофильством: т.е. требование обращения общества к основам народной жизни сочеталось здесь с утверждением значимости европейского просвещения. Таким образом как бы преодолевается антагонизм **западничества**, которое во главу угла ставит ценности европейской цивилизации, и **славянофильства**, которое призывает к исключительно самобытному развитию русского общества.

Просвещение – идейное течение, возникшее в Западной Европе в XVIII веке, в основе которого положена мысль о перестройке мира на разумных основаниях. Крупнейшие представители Дж. Локк (Англия), Вольтер, Ж.Ж. Руссо, Ш. Монтескьё, П.А. Гольбах, К.А. Гельвеций, Д. Дидро (Франция), Г.Э. Лессинг, И.Г. Гердер (Германия), Т. Джефферсон, Б. Франклин (США), Н.И. Новиков, А.Н. Радищев (Россия). Пути к «всемирному царству разума» предлагались следующие:

- распространение научных знаний;
- обращение с письмами к коронованным особам, дабы превратить их в «просвещённых монархов», а уж они просветят своих подданных;
- пропаганда просветительских идей («естественного права», политической свободы личности, разумного эгоизма и гуманизма и пр.) средствами литературы.

Реализм (критический) – в самом широком смысле в искусстве под реализмом понимают сознательное стремление художника к изображению

действительности в её существенных закономерностях (в противовес **натурализму**, который как бы поверхностно, неглубоко отражает действительность). В истории культуры термином «реализм» определяли одно из направлений средневековой европейской философии, стремление художника к изображению только лишь низких сторон действительности (так, Г. Флоберу французский суд по поводу «Мадам Бовари» инкриминировал именно «реализм»). Парадокс ещё и том, что действительность изображают ведь и романтики, и сентименталисты, в известной степени, даже модернисты. Тогда, может быть, следует отказаться от этого термина вообще? Этого делать, наверное, не стоит. В литературном процессе выделяют несколько разновидностей реализма. Критическим реализмом традиционно называют направление в европейской (и американской) литературе XIX–XX века, которое берёт своё начало в середине 20-х годов XIX века (в русской литературе – от пушкинского «Евгения Онегина», во французской – от Стендаля и Бальзака) и конца ему пока что не видно. Почему «критический»? Потому что кроме изображения существенных сторон действительности писатели этого направления очень часто подвергали основы современного им общества серьёзной критике, предлагая свои ответы на «роковые вопросы» – «кто виноват?», «что делать?», «что такое обломовщина?»

Рецепция — заимствование (от лат. *recetio* — принятие

Стилизация - "намеренное построение художественного повествования в соответствии с принципами организации языкового материала и характерными внешними речевыми приметами, присущими определенной социальной среде, исторической эпохе, литературному направлению, жанру, индивидуальной манере писателя, которые изображаются автором как объект имитации" (Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 492).

Социальный роман — рисует широкую картину общества в определенную эпоху, при чем индивидуальности выступают в самой тесной связи с борющимися социальными группами. В социальном романе социальный вопрос оттесняет на задний план вопросы личного благополучия отдельных индивидуумов. „*Salus populi*“, благо народа, массы противопоставляется формуле „*Solus sum*“. Тему о любви сменяет тема о голоде, первого любовника, уверенного, что в начале был пол, салонного героя сменяет трибун угнетенной массы, ее вождь и борец. Пафос социального романа не в любовной интриге, не в тайнах алькова, а в напряженности борьбы, в подвигах самопожертвования, в колебаниях коллективной психологии, в приливах и отливах социальной стихии. Зарождение социального романа и развитие его связаны а эпохами бури и натиска, когда рушится старый порядок, когда надвигается социальная катастрофа и наступает ломка и переустройство социальных отношений. В 1876 г. после смерти знаменитой Жорж Занд Ф. М. Достоевский писал о создательнице социального романа во Франции: «Передовые умы слишком поняли, что обновился деспотизм, что новые победители (буржуа) оказались еще, может быть, хуже прежних деспотов (дворян), и что свобода, равенство

и братство оказались громкими фразами — не более. В эту то эпоху возникло действительно новое слово и родились новые надежды. Явились люди, прямо возгласившие, что дело остановилось напрасно, что ничего не достигнули политической сменой победителей, что дело надобно продолжать, что обновление должно быть радикальное, социальное».

После лионского восстания ткачей в 1831 г. в атмосфере надвигавшейся социальной революции 48 года, «когда разворачивалась драма беспримерная», в науке и литературе пробудился огромный интерес к вопросам радикального социального обновления.

В своих социальных романах Жорж Занд заговорила о противоречиях богатства и нищеты, о бедных людях, об униженных и оскорбленных, об угнетении женщин; знаменитая романистка, увлеченная проповедью социалистов-утопистов, взывала к человеческому состраданию и говорила о социальной несправедливости. Романтическая мечта «о правде святой», филантропическое сострадание к несчастным, стремление навеять человечеству

«сон золотой» отличали первые социальные романы и первые социальные утопии. Но только во второй половине, и в особенности в последнюю четверть 19 века, вместе с ростом рабочего движения и революционной борьбы социальный роман занимает выдающееся место в европейской литературе.

Но художники, связанные с мелко-буржуазной интеллигенцией, пытаются занять промежуточную, нейтральную позицию в социальной борьбе и стремятся построить социальный роман в натуралистическом стиле, сообщая ему характер безличного протокола, человеческого документа. Родоначальником натуралистического социального романа явился Эмиль Зола, автор «Карьеры Ругонов», «Чрева Парижа», «Углекопов», «Парижа» и т. д. Влияние позитивизма с его проповедью знания, завоеванного путем опыта, все более активное участие масс в исторической жизни сказалось в экспериментальном романе художника — натуралиста. *Точность* изображения, преобладание *среды* над личностью, представление о человеке, как о существе, движимом не только идеальными, но и физиологическими побуждениями, изображение больших масс и попытка обрисовать *коллективную психологию* — таковы характерные черты социального романа. После коммуны 1871 г. конец 19 века ознаменовался решительным и победоносным выступлением пролетариата. В своих романах «Правда», «Труд» Э. Зола является суровым обвинителем господствующих классов, покидает позицию нейтралитета и выступает на путь борьбы. Война 1914—17 г.г. и революция 1917—22 г.г. выдвигает ряд художников, у которых социальный роман пропитан трепетом и динамикой нашей бурной эпохи.

Барбюс, Анатоль Франс, Ромэн Роллан переходят на точку зрения пролетариата и в свой роман вносят и возмущение против буржуазного империализма, и горячий энтузиазм, пронизывающий борьбу за новые

формы социальной жизни. Их роман реалистичен по приемам и в то же время романтичен по чувству пламенного протеста против вопиющих противоречий в области социальных отношений.

В России начало социального романа связано с 40-ми годами. Под влиянием Жорж Занд пишет Ф. М. Достоевский свое произведение «Бедные люди». В. Г. Белинский с восторгом приветствует его в 1847 году, как начало социального романа в России. «Униженные и оскорбленные», «Неточка Незванова», — вот романы, где ярко выступает тема о «бедных людях», «об униженных и оскорбленных», о «городской бедноте», «обитателях чердаков, подвалов и углов».

В 60-ые годы с выступлением новых социальных групп социальный вопрос мощно врывается в романы Помяловского («Мещанское счастье», «Молотов»), Чернышевского («Что делать»), Кушчевского («Николай Негорев»), Слепцова («Тяжелое время»), Омуровского («Шаг за шагом»), Михайлова-Шеллера («Гнилые болота», «Лес рубят, щепки летят»). По мере обострения революционной борьбы в России, вместе с ростом революционного народничества тема об угнетенном, бесправном, закабаленном народе становится излюбленной темой беллетристов — народников Г. Успенского, Решетникова, Златовратского, Наумова, Каронина, Левитова, Степняка-Кравчинского.

В 70-е, 80-е годы ряд романистов — Мельников-Печерский, Боборыкин, А. П. Чехов, Мамин-Сибиряк рисуют пришествие капитала. Романы Мельникова-Печерского «В лесах», «На горах», Мамина-Сибиряка «Хлеб» и «Приваловские миллионы» — дают широкую картину буржуазных отношений. Боборыкин, и в особенности, Амфитеатов, автор романа «Восьмидесятники», «Конец века», идут по следам Э. Зола, протоколируя буржуазную действительность, не выдвигая определенной точки зрения.

В 90-е годы расслоение в деревне и бегство из деревни в город безлошадного крестьянства, рост классовой борьбы в городе и выступление пролетариата на путь революции придает социальному роману новые черты. Писатели Максим Горький, Скиталец, Серафимович, Вересаев становятся на точку зрения пролетариата. В социальных романах «Мать», «Лето», «Жизнь ненужного человека», «Исповедь» — Максима Горького; в романе «Город в степи» Серафимовича — в центре не любовь буржуазного героя, а революционная борьба масс. Все произведения проникнуты пафосом революции и связаны с верой в победу нового класса.

После революции 1905 года, и в особенности после 1917 г. создателями социального романа являются художники пролетарии, пережившие и прочувствовавшие революцию и движение пролетариата, и активно участвовавшие в борьбе. К творцам «пролетарского» социального романа надо отнести рабочих Бибика («К широкой дороге», «На черной полосе»), Н. Ляшко, Бессалько, Всеволода Иванова, Степного-Афигенова, Гладкова, Сейфулиной, Сивачева, Аросева, Новикова-Прибоя и других. В годы революции появились романы А. Богданова «Красная звезда», «Инженер

Мэнни», рисующие в утопической форме новый мир и новых людей. В Германии, давшей Ауэрбаха, Шпильгагена, Фон Поленца, Келлермана за последние годы идет огромная работа над формой социального романа. Там появляются новые художники из пролетарской среды, которые работают над приемами, сюжетами, композицией социального романа. Пережитые события величайшей важности в нашу эпоху ведут к расцвету социального романа. Роман-эпопея, полный движения, рисующий борьбу масс в их решительной схватке с представителями старого мира, романы, в которых события разворачиваются с невероятной быстротой в разных планах стоят в порядке дня мировой, и в особенности русской литературы. Опыты Бориса Пильняка («Голый год»), Никитина, Всеволода Иванова пока являются только первыми попытками увековечить нашу эпоху в социальном романе.

Перед художником встает трудная задача и трудный вопрос, как оформить богатейший материал наших дней и несметные сокровища нового быта.

Соборность – свойство русского народа, постулируемое представителями некоторых российских идейных течений XIX века (славянофильство, почвенничество), которое заключается в том, что в решающие минуты своей истории у русского народа включается нечто наподобие коллективного разума и тогда единодушно русский социум совершает единственно правильное историческое деяние (в 988 году вся тогдашняя Русь принимает христианство византийского толка, Земский Собор 1613 года избирает на царство Михаила Романова, в 1812 году вся нация единодушно выступает против французских захватчиков и пр.).

Среда (социальная) – материальные и духовные условия существования человека, которые оказывают существенное воздействие на формирование его личности. Микросреда – семья, трудовой или учебный коллектив, социальная группа, в которых существует человек. Макросреда – культура данного общества, совокупность общественных институтов, экономическая система – влияет на формирование личности человека опосредованно.

Фатализм – (от *fatum* – судьба – лат.) – мировоззрение, в основе которого постулировано (утверждается без доказательства) изначальная предопределённость любого события, исключающая свободный выбор человека и случайность.

Хронотоп - художественное пространство и время. «Пространство и время в литературном произведении опосредованы субъектно, то есть они даны через носителей сознания. Опосредованность эта имеет двоякий характер: во-первых, у носителя сознания есть некое представление о времени и пространкувстве и, во-вторых, каждый субъект сознания всегда вмещен в известные пространственно-временные границы. Соотношение представлений субъекта о времени и пространстве, с одной стороны, с пространственно-временными границами, в которые он вмещен, с другой, является одним из существенных средств характеристики субъекта сознания. Представления данного субъекта сознания о времени и пространстве

корректируются временной и пространственной зонами, в которые он вмещен. Но эти зоны суть представления о времени и пространстве, свойственные некоему субъекту сознания более высокого порядка. А сам этот субъект может быть вмещен во временную и пространственную зоны, которые тоже являются чьим-то представлением» (Корман Б.О. Литературоведческие термины по проблеме автора: В помощь студенту-заочнику, специализирующемуся по литературе. Ижевск, 1982. С. 17).

Чужое слово. Вслед за М.М.Бахтиным под "чужим словом" понимают неавторское слово. Его разновидностью являются "реминисценции в виде цитат" (Хализев В.Е. Теория литературы. С. 254).

«Эзопов язык» – от имени легендарного древнегреческого баснописца Эзопа – иносказательная манера выражения, когда под одним образом или понятием следует понимать другой образ или понятие. Так, в цикле очерков «Письмах к тётеньке» (1881 – 1882) Салтыкова-Щедрина под тётенькой» следует понимать либеральную интеллигенцию. «Эзопов язык» не сводится лишь только к нейтральной замене одного понятия другим, тут есть ещё и дополнительная семантика. В частности, «тётенька» (в значении «либеральная интеллигенция») указывает на авторское отношение – снисходительно-уважительное в данном случае. Квалифицировать «эзопов язык» как только лишь средство обмана цензуры («Привычке писать иносказательно я обязан дореформенному цензурному ведомству» – Салтыков-Щедрин) вряд ли продуктивно: сатирик прибегал к иносказаниям и тогда, когда «дореформенного цензурного ведомства» уже не существовало. «Эзопов язык» открывал перед сатириком новые художественные перспективы. Так, в одном из очерков в «Департаменте любознательных производств» читатели узнавали... III отделение; математический термин «привести к одному знаменателю» в художественном мире Салтыкова-Щедрина означал некое препятствие общественному прогрессу («Куда девалась бодрая и смелая мысль? – Приведена к одному знаменателю»).

Учебно-методическое издание

Проскурина Наталия Александровна

**Творчество Д.Л. Мордовцева в контексте
литературного краеведения**

Учебно-методическое пособие
для студентов филологического факультета

Саратовский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского